

ствовать Самозванца, какъ истиннаго царевича, конечно въ надеждѣ пріобрѣсти его особое расположеніе, когда ему удастся возсѣсть на московскій царскій престолъ. Однако особенно близкія и частыя сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ московскимъ правительствомъ начались только съ патріаршества Теофана.

II

Сношенія патріарха Теофана съ русскимъ правительствомъ

Въ такъ называемое смутное у насъ время сношенія съ іерусалимскими патріархами, какъ и вообще съ востокомъ, прекратились и возобновились только уже въ 1619 году, благодаря пріѣзду въ Москву самого іерусалимскаго патріарха Теофана, преемника Софронія. Къ сожалѣнію „дѣло“ о пріѣздѣ Теофана въ Москву не дошло до насъ, и намъ приходится о его пребываніи въ Москвѣ говорить только на основаніи тѣхъ отрывочныхъ извѣстій, какія случайно сохранились объ этомъ у современниковъ и ближайшихъ къ нимъ лицъ.

Любопытно, какъ нѣкоторые русскіе посмотрѣли на пріѣздъ Теофана въ Москву. Іерусалимскій патріархъ Теофанъ, увѣряли они, пріѣхалъ въ Москву не за милостынею, его пріѣздъ далеко не былъ случайнымъ и безотносительнымъ къ тогдашней еще совѣмъ неоправившейся отъ смуты русской жизни. Въ одномъ хронографѣ, по поводу постановленія въ патріархи Филарета Никитича, говорится: „въ то время промысломъ всеѣмъ дающаго животь изліяся боготочная благодать Св. Духа въ сердца благочестивыхъ четверочисленныхъ вселенскихъ патріархъ: цареградскому и александрійскому и антїохійскому и іерусалимскому, что великая соборная и апостольская церковь Божія, Матере честнаго и славнаго ея Успенія русскія митрополіи, вдовствуетъ не

малое время, не имѣя пастыря, еже есть патріарха. Подвигшижеся отъ Св. Духа четверочисленный ликъ вселенскихъ патріархъ и совѣщашажеся между себѣ послами, чтобы имъ отъ своего четверочисленного и благочестиваго лика послати единого въ царствующій градъ Москву ко благочестивому царю и великому князю Михаилу Θεодоровичу всеа Русіи, чтобы, по ихъ благословенію и прошенію, неумедлил избрати мужа честна и преподобна и во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ совершенна, и возвелъ бы на патріаршескій великій престолъ, чтобы Божія церкви рускія митрополіи не вдовствовала, и имѣла бы окормляющаго ю во своемъ ея божественныхъ догматъ благочестіи. Избраша же онъ, четверочисленный и богоносный полкъ, своего сверстника, мужа честна преподобна“, іерусалимскаго патріарха Θεофана ¹. Въ житіи преподобнаго Діонісія, архимандрита Троицкой лавры, принадлежащемъ извѣстному Симону Азарьину, говорится: „бысть смотрѣніе Божіе о умирении рускія земли сицевымъ образомъ: слышно бо бысть восточнымъ церквамъ како стражеть бѣднѣ великая Россія отъ зміеваго гоненія, отъ папы римскаго изблеванною скверною водою, Растригою и Жигимунтомъ нарекаемыми царевичами, ядовитыми семи гады, уже 14 лѣтъ страждеть. Святіи отцы, четыре патріархи вселенстіи невознерадѣша о останкахъ, въ погибели бывающихъ исчадіяхъ россійскихъ сѣмень, и, посовѣтававши между собою и со всѣми восточными церквами, еже бы помощи во время лютыя отчаянныя напасти, двигнувшися отъ престолъ своихъ и дошедше Гроба Господня, молиша Царя царемъ, и Господа господемъ Иисуса Христа Бога Вседержителя, да недасть одолѣти жезлу грѣшныхъ

¹ А. Попова: Изборн. славъ. и рус. соч. и статей, внесенныхъ въ хронографы русской редакціи, стр. 205—206.

своего жребія. Избраша убо воеводу крѣпка, и сильна исполина, могуща теци путь отъ востока до запада, которой неимѣлъ ни оружіеносцовъ, ни броней мужескихъ, но токмо едино слово Божіе во устѣхъ имуща, могущее розорити тверди не одолѣваемыя, святѣйшаго патріарха Θεофана, прекраснаго душею и тѣломъ, и оградивше его многими молитвами, вмѣсто жертвъ благовонныхъ, наполниша его слезъ духовныхъ, ихже бы принести ему въ пищу гладнымъ всякаго хлѣба, слова Божія лишеннымъ въ Россіи величій“ ¹.

Такимъ образомъ по представленію нѣкоторыхъ русскихъ первой половины XVII вѣка пріѣздъ Θεофана въ Москву былъ дѣломъ Божественнаго промысла, возбужденнаго четырехъ вселенскихъ патріарховъ позаботиться о поставленіи верховнаго пастыря для осиротѣвшей русской церкви, былъ слѣдствіемъ особой заботливости старшихъ восточныхъ церквей о младшей дочери ихъ—церкви русской, пережившей столь тяжелыя и грозныя для нея времена въ смутную эпоху. Мысль, что господство поляковъ-католиковъ въ самомъ московскомъ кремлѣ, оскверненіе ими народныхъ завѣтныхъ святынь, вызвала въ представителяхъ восточной церкви не осужденіе, а только горячее сочувствіе, конечно была особенно пріятна для тогдашнихъ русскихъ, сильно смущенныхъ событіями смутнаго времени. Въ дѣйствительности же Θεофанъ пріѣхалъ въ Москву по своей собственной инициативѣ, безъ всякаго совѣщанія и предварительнаго сношенія съ другими восточными патріархами, и цѣлю его поѣздки было не поставленіе на Москвѣ патріарха, а полученіе отъ русскаго царя милостыни, которую онъ дѣйствительно и получилъ, не

¹ Изд. 1834 г. стр. 103—104.

смотря на раззореніе государства и бѣдность царской казны, очень нескудно ¹.

¹ Въ приказныхъ записяхъ о милостынѣ Теофану значится: «во 127 году былъ въ Москвѣ іерусалимскій патріархъ Теофанъ и ему дано на прїѣздѣ отъ государя: кубокъ серебряный золоченый съ кровлею, вѣсомъ 8 гривенокъ (гривенка полфунта) 47 золотниковъ, портище бархату чернаго гладкаго добраго, портище бархата рытаго вишневаго добраго, два портища камокъ багровой да вишневой добрыхъ же; сорокъ соболей въ 70 рублей, сорокъ соболей въ 30 рублей, денегъ 200 рублей и всего на 400 рублей. Да ему же на поставленіе Филарета Никитича дано отъ государя послѣ стола: кубокъ серебряный золоченый съ покрывшкою въ 7 гривенокъ—35 рублей, стопа серебряная въ 4 гривенки—20 рублей, бархатъ гладкій чернѣй—15 рублей, бархатъ гладкій зеленѣй—15 рублей, камка черная—10 рублей, камка багровая чешуйчатая—10 рублей, объяри багровы—10 рублей, сорокъ соболей въ 80 рублей, денегъ 200 рублей, всего на 400 рублей. Да къ патріарху послано, что было постылаемо въ соборной церкви на царскомъ и патріаршемъ мѣстѣ: 2 половинки и 5 аршинъ сукна шарлату червчататаго цѣна 112 рублей, три половинки сукна аглицкаго темносиняго цѣна 57 рублей, три атласа турецкихъ цѣна 267 рублей съ полтиною. Послѣ поставленія и обѣда у Филарета Никитича послѣднимъ дано Теофану: образъ обложенъ серебромъ чеканомъ, кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 5 гривенокъ—25 рублей, стопа серебряная въ полтри гривенки—13 рублей, бархатъ гладкій чернѣй—15 рублей, камка черная—10 рублей, камка багровая чешуйчатая—10 рублей, сорокъ соболей въ 80 рублей, денегъ 150 рублей всего на 300 рублей опричь образа. На отпускѣ дано было Теофану отъ государя: кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 5 гривенокъ—25 рублей, портище бархату гладкаго смирнаго—10 рублей, 2 портища камки багровы да вишневы—20 рублей, сорокъ соболей въ 70 рублей, а всего 275 рублей. Отъ Филарета Никитича Теофану на отпускѣ дано было: образъ обложенъ серебромъ чеканенъ, кубокъ серебряный золоченый съ кровлею въ 4 гривенки—20 рублей, бархатъ чернѣй гладкій—10 рублей, камка черная куотерь 10 рублей, сорокъ соболей въ 50 рублей, денегъ 100 рублей, а всего 190 рублей. Да отъ государыни инокини Мары, когда Теофанъ былъ у нея на прїѣздѣ, ему было дано: образъ пречистыя Богородицы обложенъ серебромъ чеканенъ, въ вѣнцѣ камня яхонты и бирюзы, бархатъ гладкій—15 рублей, камка багровая 10 рублей, два сорока соболей въ 100 рублей, денегъ 100 рублей, а всего 225 рублей. Всего патріарху дано отъ государя, патріарха и государыни на прїѣздѣ и на отпускѣ 1800 рублей, опричь образовъ и ставленнаго мѣста, а и съ тѣмъ что дано ставленное мѣсто 2236 рублей съ полтиною». Принимая во вниманіе то обстоятельство, что рубль 1613—1636 года равнялся нынѣшнимъ никакъ не менѣе 14 рублямъ (см. В. О. Ключевскаго: Русскій рубль XVI—XVIII в. къ его отношенію къ нынѣшнему, стр. 72), окажется, что Теофанъ получилъ въ Москвѣ подарковъ отъ царя, Филарета Никитича и государыни инокини Мары болѣе чѣмъ на 30,000 рублей нынѣшнихъ. Но кромѣ царя, царицы-матери и Филарета Никитича, Теофану давали милостыню власти, бояре и монастыри

До насъ дошла въ высшей степени любопытная и характерная записка современника очевидца о томъ, „какъ служилъ Теофанъ, патріархъ іерусалимскій, съ русскими митрополиты съ казанскимъ Матвѣемъ и со архіепископы“, выпукло рисующая, какъ нѣкоторые русскіе іерархи относились тогда къ тѣмъ особенностямъ церковнаго чина и обряда, какіе у насъ были не согласны съ тогдашними греческими чинами и обрядами. Записка именно повѣствуетъ, что когда Теофанъ пришелъ въ московскій Успенскій соборъ и, послѣ обычной встрѣчи, хотѣлъ встать въ церкви на свое мѣсто, спасскій дьяконъ Діонисій замѣтилъ ему: „подиде государь во олтарь, тамъ-де приложись ко Евангелію, и крестомъ себя благословишь и властей служащихъ“. Теофанъ исполнилъ это указаніе дьякона и уже потомъ сталъ на своемъ мѣстѣ. Между тѣмъ его архимандритъ и архидьяконъ вошли въ алтарь, стали въ простыхъ рясахъ предъ престоломъ и положили было на престолъ принесенные ими служебники, ризы и стихари. Тогда казанскій митрополитъ Матвѣй „учаль имъ говорить, чтобъ они служебники и ризы и стихари съ престола сняли, и впредь бы не клали, а стали-бъ на обычномъ мѣстѣ и служебники и ризы и стихари клали, гдѣ пригодится, а не на престолѣ“. Когда греки

Когда, напримѣръ, Теофанъ посѣтилъ Троицкую лавру, то особымъ царскимъ указомъ предписывалось троицкимъ властямъ поднести патріарху, «образъ Богородицы чеканенъ съ пеленою изъ старыхъ образовъ, образъ Сергіево видѣніе обложенъ серебромъ, кубокъ серебряный въ 7 гривенокъ, братина серебряная въ 10 рублей, атласъ смиренный, камка адамашка синяя или багровая, объярь, если есть, сорокъ соболей въ 40 рублей, денегъ 50 рублей, два полотенца троицкихъ, 5 братинъ троицкихъ съ вѣнцы хорошихъ, ставки троицкіе, ковшъ троицкій, судки столовые деревянные подписаны, стопа блюдъ большихъ подписанныхъ, братина великая съ покрывшкою подписаная, кувшинецъ писаной немаль». (Греч. дѣла 7133 г. № 5 и 7157 г. № 7). Кромѣ самаго патріарха и вся его свита точно также ото всѣхъ получала подарки соответственно рангу cadaго лица.

не исполнили этого требованія, митрополить велѣлъ было своему дьякону снять служебники, ризы и стихари съ престола и положить ихъ куда слѣдуетъ, но греки снова положили ихъ на престоль. Тогда казанскій митрополить, рязанскій архіепископъ Іосифъ и пришедшій въ соборъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, крутицкій митрополить Іона, стали говорить уже самому Теофану: „великій господинъ, святѣйшій Теофанъ патріархъ! наша истинная православная христіанская церковь не приняла сего чина: пришелъ твой архимандрить и архидьяконъ во олтарь и стали предъ престоломъ въ однихъ ряскахъ безъ ризъ и стихарей, и положили на престоль служебники и ризы и стихари, а у насъ кромѣ того не ведется, что на престолѣ Евангеліе и крестъ, а иного ничего не кладутъ. А предъ престоль приходишь ты, да сослужебницы твои митрополиты, архіепископы и епископы въ своихъ манатяхъ, а кромѣ того ни архимандриты, ни игумены, ни протопопы просто не приходятъ, тоцію въ еелоняхъ и стихаряхъ“. На это Теофанъ отвѣтилъ: „то де учинилося спроста, а впредь де того не будетъ“. Вслѣдъ затѣмъ наши іерархи кстати замѣтили патріарху, что у нихъ (грековъ) и ризы и стихарь устроены не совсѣмъ такъ какъ бы слѣдовало, на что патріархъ отвѣтилъ: „Бога ради-де указывайте намъ по своему, какъ-де у васъ чинъ ведется, а я-де радъ слушать“. Въ самомъ совершеніи службы Теофаномъ русскіе подмѣтили нѣкоторыя, по ихъ мнѣнію, отступленія отъ истиннаго христіанскаго чина, что опять вызвало съ ихъ стороны замѣчанія патріарху. Напримѣръ они говорили ему: „какъ-де ты, государь, служилъ прежде сего и ты-де просвиры заздравные вынималъ въ херувимскую пѣснь, а у насъ того чину не ведется, и тебѣ-бъ, государь,

такъ жъ нынѣ вынимати заздравные просвиры въ подобно время съ нами, а не въ херувимскую пѣснь“. На это замѣчаніе патріархъ отвѣтилъ: „и я-де стану дѣйствовать по вашему чину, а впредь-де тово у меня не будетъ“. Къ счастію Теофана въ это время въ соборъ пришелъ уже давно жившій въ Москвѣ и хорошо знавшій всѣ особенности русской церковной службы грекъ Арсеній, архіепископъ суздальскій, который и сталъ руководить служившимъ патріархомъ. Служба пошла было послѣ этого гладко. Но когда Теофанъ началъ возглашать: *твоя отъ твоихъ* „и въ тѣ поры архидьяконъ ево руку правую положилъ на лѣвую и коснулся ко святыни дискосу подвинулъ по престолу впредь правою рукою, а потиръ лѣвою рукою подвинулъ“. Это дѣйствіе архидьякона вызвало новое замѣчаніе нашихъ властей патріарху. Они говорили: „у насъ-де того дьяконъ не дѣйствуетъ, то-де ерейская служба“, причемъ составитель записки замѣчаетъ: „и они (греки) въ томъ прошеніе получили, а ни въ чемъ непререковали, потому что у нихъ, по грѣху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго (чина)“. По окончаніи службы Теофанъ, обращаясь къ сопровождавшимъ его до кельи русскимъ архіереямъ, говорилъ: „просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ и напоили-де жаждушую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ-де вамъ много челомъ бую“¹.

Простодушныя хотя и настойчивыя замѣчанія Теофану со стороны русскихъ властей, вытекавшія изъ убѣжденія большинства тогдашнихъ русскихъ, что

¹ Эта записка современника-очевидца находится въ рукописномъ Сборникѣ бібліотеки Моск. Духовн. Академіи № 202 и напечатана въ Чт. общ. ист. и древн. 1883 г., кн. II и въ нашей книгѣ „Патріархъ Никонъ“, стр. 32—34 въ примѣчаніи.

„греки, по грѣху, позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина“, и что въ чистомъ неизмѣнномъ видѣ онъ сохранился только у русскихъ, а не у грековъ, необходимо произвели на іерусалимскаго патріарха тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Изъ этихъ замѣчаній онъ увидѣлъ не только то, что русскій церковный чинъ и обрядъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, въ существѣ правда очень мелочныхъ и неважныхъ, разошелся съ тогдашнимъ греческимъ, но что ради этого русскіе свысока смотрятъ на современныхъ грековъ, какъ уже на утравшихъ нѣчто изъ древняго преданнаго имъ чина. На этотъ разъ Теофанъ не счелъ удобнымъ вступать въ какія либо пререканія и препирательства съ русскими властями, а ограничился однимъ только ироническимъ замѣчаніемъ: „просвѣтили-де вы меня своимъ благочестіемъ, и напоили-де жаждущую землю водою своего благочестиваго ученія, и на томъ-де вамъ много челомъ бью“, которое русскіе приняли за чистую монету. Но совсѣмъ этого дѣла Теофанъ не оставилъ; онъ рѣшилъ поднять въ глазахъ русскихъ церковный авторитетъ современныхъ грековъ, воздѣйствуя на поставленнаго имъ патріарха Филарета Никитича.

Въ житіи преподобнаго Діонисія говорится, что Теофанъ отправился въ Россію „наполняя всѣхъ мира и любви, о правой вѣрѣ и о дѣлахъ по евангелію Божию созидая, утверждалъ обои предѣлы, т. е. великую Россію и малую. Къ сему же соединяя укрѣплялъ единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія, и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ не отлучатися“¹. Въ виду того что, документы о пріѣздѣ въ Москву и пребываніи здѣсь Теофана до насъ не дошли, мы не можемъ точно указать,

¹ стр. 105.

по какому именно частному случаю Теофанъ счелъ необходимымъ убѣждать русскихъ „единомудрствовати, о еже держатися старыхъ законовъ греческаго православія и древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ неотлучатися“, и что именно въ тогдашней русской церковной практикѣ онъ находилъ несогласнымъ съ старыми законами греческаго православія и другими уставами четырехъ патріаршествъ. У насъ имѣются подъ руками только два дѣйствія Теофана въ этомъ направленіи.

На пути въ Москву Теофанъ, проѣзжая южною Русью, нашелъ въ тамошней церкви такой обычай: „въ причащеніи пресвятыхъ и животворящихъ таинъ трикратное податіе съ отдѣленіемъ именъ Божіихъ: Отець, Сынъ и Св. Духъ численіемъ“, каковой обычай, на возвратномъ пути изъ Москвы, онъ подвергъ въ окружной своей граматѣ осужденію, какъ обычай чуждый православной церкви и не благочестивый¹. Но, будучи въ Москвѣ, Теофанъ нашелъ и здѣсь тотъ же самый неправый обычай трикратнаго подаянія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи, почему онъ и обратился къ Филарету Никитичу и государю, чтобы они уничтожили этотъ неправый обычай, замѣнивъ его единократнымъ подаяніемъ св. даровъ, какъ это дѣлается согласно у всѣхъ четырехъ патріарховъ. Настоянія Теофана имѣли успѣхъ: „тамошній московскій архіепископъ, говоритъ онъ въ другой своей окружной граматѣ къ южноруссамъ, за благочестивымъ царемъ тотъ трикратный обычай покинуть обѣщались“². — Другой случай.

Предъ пріѣздомъ Теофана въ Москву произведено было, по повелѣнію государя, исправленіе Потребника

¹ Архивъ Юго-Запад. Россіи, т. V, стр. 7. — ² Рукон. Сборн. библ. Москов. Рум. музея № 712, л.л. 204 об.—206.

въ Сергіевомъ Троицкомъ монастырѣ его архимандритомъ Діонисіемъ, старцемъ Арсеніемъ Глухимъ и Клементьевскимъ священникомъ Иваномъ Насѣдкою. Исправители въ молитвѣ на освященіе воды въ Богоявленіе зачеркнули слово *и огнемъ* (освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ *и огнемъ*), какъ незаконную приставку, по невѣжеству внесенную въ печатный Потребникъ. Книжныя исправленія указанныхъ справщиковъ и особенно упраздненіе прилога *и огнемъ*, возбудило противъ исправителей цѣлую бурю. Справщиковъ обвиняли въ злостной порчѣ книгъ и даже въ еретичествѣ, такъ что преп. Діонисій подвергся заключенію въ темницѣ и истязаніямъ. Прибывъ въ Москву Теофанъ вступился въ это дѣло, добился освобожденія преп. Діонисія изъ заточенія и, послѣ поставленія въ патриархи Филарета Никитича, постарался оправдать въ его глазахъ сдѣланныя Діонисіемъ книжныя исправленія и особенно уничтоженіе слова *и огнемъ*, какъ незаконнаго прилога. Онъ обѣщаль Филарету Никитичу навести объ этомъ точныя справки въ имѣющихся на востокѣ древнихъ греческихъ рукописяхъ, что потомъ (въ 1625 г.) и исполнилъ, послѣ чего Филаретъ Никитичъ приказаль уничтожить прилогъ *и огнемъ* во всѣхъ Потребникахъ. Но освобожденіемъ и оправданіемъ преп. Діонисія Теофанъ не ограничился, а постарался выразить къ преп. Діонисію свое особое уваженіе и расположеніе нѣкоторымъ особеннымъ и чрезвычайнымъ актомъ.

Посѣтивъ Троицко-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ былъ встрѣченъ и принятъ по царски, Теофанъ, предъ оставленіемъ монастыря, отслужилъ торжественный молебенъ и, подойдя къ ракъ преп. Сергія, снялъ свой клобукъ, окропилъ его св. водою „и отре тѣмъ клобукомъ колѣна и голени, плеснѣ и подошвы ногъ у чудо-

творца Сергія и, во гробъ святаго приникнувъ, подъ плеснѣ святыхъ ногъ его подложилъ, и со многими слезами долгое время моляшеса; а Діонисію повелѣ стояти откровенною главою безъ клобука. И возьмъ свой клобукъ изъ подъ плесней у ногъ чудотворца Сергія, и цѣлова его, и повелѣ Діонисію цѣловати, и приклонивши главу Діонисіеву, возложи на него руку, а архидiakону своему повелѣ возгласити — вонмемъ. И архимандритъ Синайскія горы трижды воспѣлъ: Господи помилуй, по гречески — Киріе элейсонъ; Теофанъ же, держа рукою своею клобукъ на Діонисіевѣ главѣ, глагола въ молитву на возложеніе клобука и, по молитвѣ, благословилъ Діонисія въ клобукѣ, и цѣловавъ его въ уста, рече: се во имя Отца, и Сына и Св. Духа, дахъ ти благословеніе, сыне мой! и назнаменахъ ты въ велицей Россіи по средѣ братіи твоей, да будеши первый въ старѣйшинствѣ надъ иноки многими по нашему благословенію; такожде и по тебѣ, аще кто будетъ, да носить въ мѣстѣ семъ святемъ наше благословеніе, величающеса и хвалящеса нашимъ смиреніемъ, и отвѣтъ да творить радостенъ сипе: се знаменіе намъ дано, яко патриархи восточніи поклонницы суть святому мѣсту сему, и честь свою предъ святою Троицею оставили, съ главы своя снявъ по себѣ въ память, и положиша подъ нозѣ великому стражу и блюстителю великому и богоносному Сергію чудотворцу. Потомъ повелѣ на обоихъ клиросахъ во святѣй церкви воспѣть: спаси Христе Боже отца нашего архимандрита Діонисія, трижды. И обратився ко братіи, всѣмъ глагола: запишите себѣ сіе все, еже содѣяхъ о отцѣ вашемъ архимандритѣ и впредъ, егда кто отъ братіи нашей, аще будетъ на поклоненіе здѣ, тогда буди нашего смиренія изволеніе вѣдомо впредъ по насъ сущимъ родамъ, да и

выбы наше смиреніе и любовь незабывали, и въ молитвахъ своихъ памятовали бы, и паки прослезися; братія же и вси людіе поклонися ему до земли“¹.

При чтеніи этихъ извѣстій невольно возникаетъ вопросъ: какія побужденія заставили иностранца Теофана вмѣшаться въ чисто внутреннее и притомъ очень щекотливое дѣло книжныхъ исправленій въ Москвѣ, и почему онъ счелъ нужнымъ рѣшительно и торжественно выразить преп. Діонисію не просто свое покровительство и защиту, но и особое, чрезвычайное свое расположеніе? Конечно Теофанъ могъ руководствоваться во всемъ этомъ дѣлѣ естественными желаніями защитить и оправдать челоуѣка несправедливо обвиненнаго и невинно страдавшаго, оправдать правое дѣло противъ несправедливыхъ на него нападеній, хотѣлъ почтить знаменитую и высоко чтимую всеми русскими обитель преп. Сергія; но, думается намъ, тутъ кромѣ того были и другія побужденія, имѣвшія для Теофана особенно важное значеніе.

Мы уже видѣли какъ во время службы Теофана въ московскомъ Успенскомъ соборѣ съ русскими іерархами, послѣдніе дѣлали Теофану внушительныя замѣчанія, что и онъ самъ и служившіе съ нимъ греки то-то и то-то совершаютъ не такъ, какъ слѣдуетъ и что имъ, грекамъ, истинному церковному чину слѣдуетъ поучиться у русскихъ, которые сохранили его у себя во всей чистотѣ и неизмѣнности. Теофанъ увидалъ, что нѣкоторые русскіе смотрятъ на современныхъ грековъ свысока, какъ на потерявшихъ древній церковный чинъ и обрядъ, и рѣшилъ поднять въ глазахъ русскихъ авторитетъ современныхъ грековъ, показать, что именно у русскихъ, а не у грековъ, не все обстоитъ благопо-

¹ Житіе преп. Діонисія, стр. 135—137.

лучно относительно церковныхъ чиновъ и обрядовъ. Мы видѣли, что онъ обратилъ вниманіе царя и Филарета Никитича на существовавшій у насъ обычай трикратнаго подаенія св. даровъ въ евхаристіи, и успѣлъ убѣдить ихъ не въ правотѣ этого обычая и въ необходимости замѣнить его единократнымъ подаеніемъ св. даровъ, какъ это дѣлается во всехъ четырехъ патріаршествахъ, т. е. у тогдашнихъ грековъ. Царь и патріархъ обѣщались ему отмѣнить указанный старый русскій обычай, который дѣйствительно съ этого времени начинаетъ постепенно исчезать изъ нашей церковной практики. Вѣроятно, что Теофанъ обращалъ вниманіе Филарета Никитича и на какія либо другія церковныя особенности тогдашней московской Руси и настаивалъ на согласованіи ихъ съ тогдашнимъ греческимъ церковнымъ чиномъ и обрядомъ. По крайней мѣрѣ Филаретъ Никитичъ въ одной изъ своихъ грамотъ къ Теофану (въ 1625 г.) писалъ: „да ваше святительство писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ древнихъ потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды о прилогѣ огня и о иныхъ духовныхъ дѣлахъ, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего великаго государя и великаго князя Михаила Теодоровича всеа Русіи самодержца, *совѣтовали съ тобою*, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли вашего святительства любительно и о прилогѣ исправили и утвердили *по вашему совѣту* во вѣки неподвижно“¹. Очевидно, что уже Филаретъ Никитичъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ и убѣжденій Теофана, производилъ частичное согласованіе русскихъ чиновъ и обрядовъ съ тогдашними греческими. Но особенное вниманіе Теофанъ, въ своихъ цѣляхъ, долженъ былъ обратить и дѣйствительно обратилъ на

¹ Греч. дѣло. 7133 г. № 5.

дѣло преп. Діонисія и на самую личность сего послѣдняго.

Преп. Діонисій былъ горячимъ убѣжденнымъ почитателемъ преп. Максима Грека, вполне понималъ и одобрялъ произведенныя имъ книжныя исправленія и переводы съ греческаго, самъ ими пользовался и заботился объ ихъ распространеніи. Составитель житія преп. Діонисія Симонъ Азарьинъ говоритъ: „до сего Діонисія въ дому Сергія чудотворца мало любили Максима Грека книгъ, также и переведенныя отъ ученика его Селивана ни во что полагали книги, и въ соборѣ въ торжества уставщики не давали ихъ чести“, но Діонисій перемѣнилъ это положеніе дѣлъ, „повелѣлъ хорошимъ доброписцамъ написать книги различныя (между прочимъ переведенныя Максимомъ и его ученикомъ Селиваномъ); и идѣже бѣ годно ему, тамо разсылаше въ монастыри многія, паче же въ соборныя храмы“, между другими и въ Москву¹. Очевидно преп. Діонисій не только заботился объ исправленіи книгъ, но особенно цѣнилъ книги исправленныя Максимомъ Грекомъ и его ученикомъ Селиваномъ съ греческихъ, и тѣмъ самымъ признавалъ нужду исправленія русскихъ богослужебныхъ книгъ съ греческихъ. Въ виду этого вполне естественно было, что когда царемъ преп. Діонисію поручено было исправленіе Потребника, то онъ въ затруднительныхъ случаяхъ, для провѣрки неисправныхъ и испорченныхъ славянскихъ переводовъ, обращался къ греческому тексту венеціанскихъ, вѣроятно, изданій. Въ своей рѣчи къ собору объ исправленіи Потребника преп. Діонисій прямо заявлялъ, что прилога: *и огнемъ* нѣтъ въ старыхъ славянскихъ спискахъ, „такоежъ и *въ греческихъ печатныхъ* нѣтъ же“. Заявляя, что „мы никое

¹ Стр. 119—121.

дарованіе Духа Святаго на водоосвященіе призываемъ, но самаго того Духа Святаго“, замѣчаетъ, что о томъ свидѣлствуютъ всѣ старыя книги, „о томъ же свидѣлствуетъ *и въ греческихъ книгахъ*“. Или, на примѣръ, онъ спрашиваетъ: „что ради не писано въ старыхъ переводѣхъ и въ харатейныхъ *и въ греческихъ* и огнемъ, но Духомъ Твоимъ Святымъ?“ Свой принципиальный взглядъ на отношеніе славянскаго текста къ греческому онъ выражаетъ, между прочимъ, въ словахъ: „а еже рещи Духомъ Святымъ и огнемъ, *то съ греческими переводами достоитъ справитися*“¹. Сотрудникъ преп. Діонисія въ исправленіи Потребника старецъ Арсеній Глухой въ своей оправдательной рѣчи говоритъ: „*и въ греческихъ переводѣхъ* у Арсенія, архіепископа суздальскаго, *четырехъ патріархъ въ четырехъ переводѣхъ*, не писано же и огнемъ“. Арсеній свидѣлствуетъ, что преп. Діонисій пользовался переводами Максима Грека. Указывая въ своей рѣчи на одинъ частный случай, онъ замѣчаетъ: „тотъ похвальный канонъ написалъ (преп. Діонисій) съ Максимова перевода Грека, Максимъ же грекъ инокъ благочестивъ былъ и премудръ и словеснаго любомудрія зѣло преисполненъ, священныя же философіи до конца навывкъ, ибо святая божественная списанія его явѣ свидѣлствуютъ о немъ, и о премудрости и о разумѣ, и смыслѣ и видахъ“. И въ другомъ мѣстѣ рѣчи о себѣ замѣчаетъ: „аще бы бѣднѣй азъ нищей чернецъ отъ неразумія что и худо написалъ, но съ переводу писалъ и не собою замыслилъ, но и съ пресловутаго еще мужа переводу писалъ и многого премудрости инока Максима Грека“².

¹ Рукоп. Сборникъ изъ книгохранилища Погодяна № 1574, гдѣ рѣчь преп. Діонисія приведена полнѣе, нежели въ рукоп. Сборникѣ Троицко-лавр. библ. № 700, хотя и въ погодинскомъ сборникѣ она безъ конца.

² Рукоп. Сборникъ Троицко-лавр. библ. № 700.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ ясно, что преп. Діонисій былъ почитателемъ Максима Грека, считалъ русскія церковныя книги испорченными, считалъ необходимымъ, при ихъ исправленіи, обращаться къ тексту греческихъ печатныхъ книгъ и греческимъ провѣрять правоту или неправоту русскаго, т. е. онъ принадлежалъ къ рѣдкимъ въ то время у насъ грекофиламъ и свое грекофильство онъ сверхъ того выражалъ вѣроятно особенно радушнымъ пріемомъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ всѣхъ тѣхъ грековъ просителей милостыни, которые пріѣзжали въ Москву, и потомъ обязательно посѣщали Троицко-Сергіевъ монастырь. Въ виду этого понятнымъ становится, почему патриархъ Теофанъ такъ энергично вступился за преп. Діонисія, всячески старался добиться оправданія не только его лично, но и признанія правоты совершенныхъ имъ книжныхъ исправленій, почему онъ, будучи въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ, такъ торжественно и необыкновенно выразилъ свое чрезвычайное уваженіе и расположеніе къ преп. Діонисію. Онъ видѣлъ въ немъ сторонника и почитателя грековъ, сторонника того направления, которое заявляло, что не греческое провѣряется русскимъ, а русское греческимъ, что нормы истиннаго и праваго церковнаго чина и обряда, въ случаѣ возникновенія сомнѣнія, нужно искать и можно находить не у русскихъ, а у грековъ. Поддержать и поощрить это очень слабое тогда направленіе среди русскихъ, Теофанъ, какъ грекъ, считалъ своею прямою непремѣнною обязанностію. Недаромъ, конечно, современный событіямъ составитель житія преп. Діонисія замѣчаетъ о патриархѣ Теофанѣ: „дивный патриархъ Теофанъ учинилъ въ Россіи многи сыны православныя греческія книги писать и глаголатъ, и фи-

лософство греческихъ книгъ до конца научилъ вѣдать“¹. Конечно это замѣчаніе біографа преп. Діонисія о характерѣ дѣятельности патриарха Теофана на Руси болѣе относится къ юго-западной Руси, но могло имѣть нѣкоторое отношеніе и къ Руси московской, гдѣ въ то время были знавшіе и греческій языкъ. Въ Полинодіи Захарія Копистинскаго говорится, что въ Москвѣ есть люди мудрые и богословы православные „языкъ греческой знаючи и о чемъ намъ святой отецъ патриарха іерусалимскій киръ Теофанъ повѣдалъ“, а онъ былъ на Москвѣ². Очень можетъ быть, что подъ этими мудрыми и православными богословами въ Москвѣ, знающими и греческій языкъ, Теофанъ разумѣлъ именно преп. Діонисія и Арсенія Глухаго и очень вѣроятно, что Теофанъ и москвичей старался поощрить къ изученію греческаго языка между прочимъ и для того, чтобы они могли составить себѣ болѣе правильное представленіе о тѣхъ особенностяхъ церковнаго чина и обряда, какія тогда существовали у русскихъ по сравненію съ греческими.

Важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, дѣйствіемъ Теофана въ Москвѣ было поставленіе имъ въ московскіе патриархи отца государя Филарета Никитича, только что возвратившагося изъ польскаго плѣна. Въ настольной граматѣ, данной имъ Филарету Никитичу, Теофанъ говоритъ, что по прибытіи въ Москву онъ встрѣченъ былъ самимъ государемъ „любезно, челоуѣколюбно и милосердо“, что за это „надлежитъ и намъ всею душею и мислію святому и великому его царствію служить и услуги показывать, и нетокмо нынѣ, но и во все время жизни нашея вседушно благодарити и многія благодаренія

¹ Стр. 125. — ² Опис. рукоп. моск. синод. библ. II. 3, стр. 342—343.

воздавати“. Затѣмъ Теофанъ говоритъ: „когда его благочестивѣйшаго и мирнѣйшаго царя Михаила Теодоровича, самодержца всероссійскаго, мѣрность наша собственными очами увидѣвши, и о данномъ и дарованномъ отъ горняго Божія промысла великому его царствію разширеніи и умноженіи увѣрившись, то праведно и благопрістойно разсудили, что токмо единъ есть нынѣ на земли великій и православный царь, а другій, по истинѣ, никтоже, якоже онъ во всей вселеннѣй подъ небесемъ и подъ солнцемъ“. Въ виду же того, что московская церковь оставалась безъ пастыря, собранъ былъ, по повелѣнію государя, соборъ архіереевъ въ Москвѣ для избранія патріарха“. И на семъ соборѣ всѣ, проникнутые Духомъ Божіимъ, единогласно, единими устами и сердцемъ, праведнымъ нареченіемъ нарекли и избрали преосвященнаго митрополита, господина Филарета ростовскаго и ярославскаго, мужа воистинну достойнаго, праведнаго, добродѣтельнаго, мудруго, святаго и боголюбивѣйшаго, и неволею призвали на высочайшій здѣшній престолъ соборныя и апостольскія церкви, а потомъ, по правиламъ св. апостолъ и по преданіямъ св. отецъ, также и прежде насъ бывшихъ патріарховъ, какъ братій и сослужителей нашего смиренія, мы, наименованіемъ и призваніемъ пребезначальнаго Отца и содѣйствіемъ Св. Духа, возложивъ руки и совершивъ надъ нимъ подобающее служеніе, нарекли его святѣйшимъ патріархомъ великія Христовы и каѳолическія церкви, въ царствующемъ градѣ Москвѣ и наименовали сослужбникомъ нашего смиренія и прочихъ патріарховъ, съ которыми ему числится и поминается“¹.

¹ Собр. гос. гр. и дог. т. III, № 46.

Поставленіе Теофаномъ въ московскіе патріархи отца государя Филарета Никитича, оказало самое рѣшительное вліяніе на послѣдующія сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ. Благодаря этому обстоятельству, Филаретъ Никитичъ, какъ ставленникъ Теофана, всегда относился къ нему съ особеннымъ вниманіемъ и предупредительностію, исполняя по возможности всѣ его просьбы и ходатайства, вслѣдствіе чего между іерусалимскими патріархами и московскимъ правительствомъ установились близкія и постоянныя сношенія, непрекращавшіяся до самой смерти Теофана, а потомъ продолженныя его преемниками. Къ обзорѣнію этихъ сношеній мы теперь и перейдемъ.

Отъ 12 Марта 1621 года Теофанъ писалъ Филарету Никитичу: „Вѣдомо буди тебѣ пресвѣтлый владыко, что мы, вашими святыми молитвами и милостію благочестиваго царя и помощію всеблагаго Бога, освободились есми отъ супротивныхъ вѣрѣ нашей. Вмѣстѣ съ воинскими людьми кіевлены проводили насъ до рубежа Волосскаго; малымъ сказаніемъ объявляемъ, что нынѣ пребываемъ въ Волохѣхъ, славлючи и величаючи державу царствія вашего. А издѣ государствуетъ благочестивый Александръ воевода, а пониже того, въ Мутьянѣхъ, сидитъ Михны воеводы сынъ, Радуль — воевода благочестивъ, который прежде сего владѣлъ и государствомъ — Мутьянскою землею восемь лѣтъ, а оттолѣ послѣ былъ въ Волохѣхъ три года, да опять нынѣ въ Мутьянѣхъ, а сажаетъ ихъ турецкой. А про турецкаго и про литву про ихъ недружбу похотите вѣдати, и они и межъ собою въ недружбѣ, а что небьется — турецкой песаревъ посоль помирить, а еще неутвержено. А во Царѣградѣ патріархъ Кирилль, а Тимоѳея нестало, а во Александріи

патріархъ Герасимъ, а въ Антиохіи патріархъ Кирилль, а иные сказываютъ — Христофоръ, а стараго Аонасія нестало. А мнѣ и здѣ годовать до великаго дни, что государь меня неотпуститъ, и я послалъ архимандрита своего, да митрополита виліемскаго, что заѣхалъ его есми здѣсь въ вотчинѣ Св. Гроба. съ вашею царскою милостынею, да заплатитъ долгъ, елико силъ станетъ; потомъ и я зъ послѣ великаго дни поѣду“¹.

Въ 1622 году Теофанъ опять писалъ Филарету Никитичу съ силистрійскимъ митрополитомъ Іоакимомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву за милостынею: „просили есмя прежде всего дважды и трожды нужу свою и инья многія, аще будетъ дошли (граматы); еще нынѣ невелико пишемъ съ преосвященнымъ митрополитомъ силистрійскимъ господиномъ Іоакимомъ, съ братомъ и сослужбникомъ нашимъ, обрѣли есмя его во время, какъ идти, и онъ всѣмъ радѣнемъ хотѣлъ придти (въ Москву), а вамъ челомъ ударити, и про насъ и о иныхъ дѣлехъ будетъ вамъ извѣстити вся подлинно. Аще будетъ время оттолѣ — изъ Мутьянскіе земли, будемъ писати“².

Въ Апрѣлѣ 1625 года въ Москву прибыло торжественное посольство отъ Теофана, состоявшее изъ его племянника архимандрита Кирилла, келаря Акакія, дьякона Митрофана, бѣльца — патріаршаго человѣка Іосифа, архимандрита монастыря Саввы Освященнаго Григорія со старцами. Архимандритъ Кирилль привезъ государю граматы отъ Теофана, виліемскаго митрополита Аонасія, а архимандритъ Григорій отъ братіи монастыря Саввы Освященнаго.

Патріархъ Теофанъ писалъ въ своей граматѣ государю: „вѣдомо ти буду велелѣпный царю: мы, молеб-

ники царствія твоего, пребывающіе здѣ во святыхъ и богостепенныхъ мѣстахъ Господа нашего Иисуса Христа, идѣже ему погребшуся и воскресшу и всему міру спасенныя страсти и чудеса показавшу — во святомъ градѣ Іерусалимѣ, тѣмъ подобіемъ терпимъ и мы днесъ безчисленные нужды, и налоги имѣемъ неизвѣстны и неповинно заключаемы бываемъ отъ иноплемennыхъ еретиковъ, и всякое безчестіе многое для любви Христовы терпимъ, еликожъ и писати невозможемъ проторей всѣхъ и великихъ долговъ, что наложили на великую церковь Христову и святой и животъдарованный Гробъ и на насъ: до пятидесяти тысячъ золотыхъ по счету, и оттого въ великое убожество впадохомъ и въ нужду. И николи жъ не престанутъ намъ дати покоя зломышленники, наругаяся хрестыанской вѣрѣ, и всегда хотятъ насъ изгнати вонъ отъ Св. Гроба и отъ Лобнаго мѣста, идѣже распяша Господа нашего Иисуса Христа. А мы силою Христовою о Богѣ надѣяся, что пресвѣтлое лицо царствія твоего видѣхомъ и милостину пріяхомъ, и впередъ отъ державы царствія твоего помощи чаемъ, противъ ихъ всегда стоимъ и недадимъ имъ, нечистымъ псомъ, завладѣти и потѣнити живодарованнаго Гроба Христа Бога нашего“. Далѣе патріархъ проситъ государя принять посланныхъ его „пресвѣтлымъ лицомъ противъ нашего лица“, увѣдомляетъ о полученіи отъ царя присланной съ Иваномъ Гавриловымъ и Тихономъ Васильевымъ (нашими послами въ Турціи) задравной милостыни и особой — на поминъ по князѣ Федорѣ Ивановичѣ Мстиславскомъ и проситъ, чтобы государь „прислалъ ко Св. Гробу на высвобожденіе отъ тяжкаго долгу милостыни; а мы развѣ Бога и васъ, великаго государя, иного помощника и теплаго заступника ко церкви Христовой

¹ Греч. д. 7130 г. № 1. — ² Греч. д. 7131 г. № 1.

неимѣемъ. Буди свободитель и покажи милосердіе святаго самодержавнаго царствія своего отъ насъ къ посланнымъ нашимъ для любви святаго и живодарованнаго Гроба и свободитель будещи роду нашему“.

Въ другой граматѣ Теофанъ просилъ государя сотворить милостыню монастырю св. Саввы Освященнаго. «зане же они (иноки этого монастыря) великою нуждою пребываютъ въ той святой обители, занеже арапьяны во дни и въ нощи ихъ нудятъ. И пречудно есть во днехъ сихъ, какъ они въ пустыняхъ пребываютъ и держатъ ту святую лавру, потому что прежь сего было близъ Иерусалима и въ пустыни іерданской 300 монастырей, а нынѣ только они остались, и днесь пребываютъ со многими труды и помощію твоею царскою, что пріяша твою царскую милостыню, во дни и въ нощи молятъ безпрестанно Бога о твоей святой царской державѣ, да сохранить вѣвѣки царствіе твое, а не имѣютъ ни откуда помощи, развѣе отъ Бога и отъ твоей царской державы, и то пустынное мѣсто и св. лавру св. Саввы держатъ насилу“.

Писалъ Теофанъ, съ архимандритомъ Кирилломъ, и къ боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому о нуждахъ и бѣдахъ, претерпѣваемыхъ христіанами на востокѣ отъ враговъ вѣры Христовой. „Вѣдомо буди честнѣйшій, пишеть патриархъ боярину, что нужды и бѣды вседневно принимаемъ отъ враговъ вѣры нашея св. Гроба, что невозможно и писати къ тебѣ отъ великихъ бѣдъ и отъ тяжкаго долгу, что есть на великіе Христове церкви; а мы все терпимъ для любви Христовой, и для того послахомъ ко благочестивому великому царю“ архимандрита Кирилла для милостыни, „прими и ты ихъ милостиво и боголюбиво и милостину достойну сотвори имъ, что тебѣ благій Богъ подаро-

валь для любви Христовой и для Божья и живодарованнаго Гроба“. Такія же просительныя письма о помощи писалъ Теофанъ къ Ивану Никитичу Романову, къ князю Ивану Михайловичу Воротынскому и къ Ѳедору Ивановичу Шереметьеву.

Виѣлемскій митрополитъ Аѳанасій въ особой граматѣ государю указывая на великую важность Виѣлема, куда волхвы съ востока принесли золото, ливанъ и смирну, о которомъ православные древніе блаженные цари радѣли и куда они „присылали множество казны“, извѣщаетъ, что посланную ему милостыню принялъ, а теперъ снова посылаетъ инока Германа да приметъ милостыню отъ царя, „занеже намъ многіе налоги и убытки отъ иноплеменныхъ дѣлаются, да ктомуужь обрушилась отъ многолѣтства во святомъ Виѣломѣ у церкви одна сторона и мы молимъ, да поможеши намъ своею государскою милостынею, и мы церковь починимъ по прежнему“. Въ заключеніе просить, чтобы государь прислалъ отъ казны своя, что вамъ Богъ извѣститъ, „якоже и персидскіе цари принесоша ко святому Виѣлеому о рожествѣ Христовѣ дары“, „занеже, поясняетъ митрополитъ, неимѣемъ нигдѣ главы приклонити, развѣ святія державы царствія твоего“.

Царскимъ указомъ приказано было посланнымъ іерусалимскаго патриарха Теофана архимандритамъ и ихъ старцамъ перваго Мая быть у государя. „И того дни у государя архимандриты и старцы были. А посланъ по нихъ на подворье съ лошадьми и ѣхалъ съ ними въ городъ приставъ ихъ Тимошей Оладынъ, а лошади по нихъ посланы съ конюшни (царской); а келари и строители и черные попы и старцы шли въ городъ пѣши. А пріѣхавъ архимандриты въ городъ, сѣли съ лошадей у Посольской палаты и шли въ Посольскую

палату и дожидались государева выходу въ Посольскомъ приказѣ, а келари и строители и черные попы и иные старцы сидѣли въ передней палатѣ. А какъ они въ городѣ были и въ то время были въ городѣ стрѣльцы въ цвѣтномъ платьѣ безъ пищалей. А вверху ко государю въ золотую палату изъ Посольскаго приказа съ архимандриты и старцы шелъ Тимоѳей Оладьинъ. А государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ всеа Русіи въ то время былъ въ золотой средней въ подписной палатѣ въ опашенкѣ въ золотной. А при государѣ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всеа Русіи были бояре и околничіе и думные люди въ опашенкахъ нарядныхъ съ кружевы и въ черныхъ шапкахъ, а въ сѣнехъ проходныхъ и по крыльцу были дворяне и дьяки и подьячіе всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ. А какъ архимандриты и старцы вошли ко государю въ палату и явилъ государю челомъ ударить посольской думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, а молвилъ: великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, ерусалимскаго патріарха Ѳеофана архимандритъ Кирилль, да Саввинскаго монастыря архимандритъ Григорей, и келарь и старцы вамъ, великому государю, челомъ ударили. И архимандритъ Кирилль правилъ государю отъ патріарха челобитье и подали архимандриты грамоты. И государь велѣлъ грамоты принять думному дьяку Ивану Грамотину и велѣлъ государь спросить архимандритовъ о спасеніе и велѣлъ призвать къ руцѣ. А послѣ того явилъ государю поминки думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, а молвилъ: великій государь царь и великій князь Михайло Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель! ерусалимскаго

патріарха Ѳеофана архимандритъ Кирилль привезъ къ тебѣ, великому государю: мощи великаго чудотворца Николы въ серебряномъ ковчежцѣ, мощи св. великому-ченика Георгія Побѣдоносца, 2 свѣчи отъ Гроба Господня, мѣру Гроба Господня, вода св. Іордана рѣки, въ ней же Христось крестися; до отъ виѳлимскаго митрополита: мощи св. мученика Меркурія; Саввина монастыря архимандритъ Григорей привезъ къ тебѣ великому государю: мощи св. Іоанна Златоуста, мощи св. апостола Нассона, свѣчи отъ Гроба Господня, вода іорданская. И государь велѣлъ мощи принять казеннымъ дьякамъ и велѣлъ государь сказать архимандритамъ свое государево жалованье и отпустилъ на дворе“.

Послѣ приѣма у царя, подобный же приѣмъ посланнымъ Ѳеофана былъ устроенъ и у патріарха Филарета Никитича. Особенности этого приѣма отъ царскаго заключались въ слѣдующемъ: „а великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи сидѣлъ въ крестовой палатѣ въ бархатной манатѣ и въ клобукѣ съ сажеными херувимы; а отъ государя святѣйшаго патріарха по лѣвой сторонѣ въ лавкѣ сидѣли крутицкій митрополитъ Кипреянъ, а поднимъ сидѣли бояринъ князь Андрей Васильевичъ Хилковъ, да думной дьякъ Иванъ Грамотинъ. А по другой сторонѣ сидѣли архимандриты: чудовской Іосифъ, да Спаса-Новаго монастыря Іосифъ, да симоновскій Левкій, да андронниковской Геннадей, да богоявленскій игуменъ Илья, да архидіаконъ Діонисій, да казначей Сергій Ладыженскій. А на лавкѣ у дверей сидѣли государевы святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Русіи приказные люди“. Когда архимандриты вошли въ патріаршую палату, „явилъ

ихъ государю святѣйшему патріарху челомъ ударить посольской думной дьякъ Иванъ Грамотинъ, а молвилъ: „великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, ерусалимскаго патріарха Теофана архимандритъ Кирилль, да саввинскаго монастыря архимандритъ Григорей и келари и старцы вамъ, великому государю, святѣйшему патріарху челомъ ударили, пріѣхали отъ вашей государскіе святительскіе руки приняты благословеніе и бити челомъ о милостынѣ“.

Затѣмъ племянникъ Теофана архимандритъ Кирилль „правиль великому государю святѣйшему патріарху отъ ерусалимскаго патріарха Теофана, да отъ александрійскаго патріарха Герасима челобитье и подалъ грамоты. И государь святѣйшій патріархъ спросилъ о патріархове Теофанове и Герасимове спасеніи и здоровье, вставъ, а молвилъ: о святемъ Дусѣ братію нашу Теофана патріарха іерусалимскаго и Герасима патріарха александрійскаго какъ Богъ милуетъ, во спасеніи-ль пребываютъ? А грамоты велѣлъ принять думному дьяку Ивану Грамотину“, послѣ чего они были отпущены на подворье.

Точно такимъ же образомъ посланные Теофана приняты были государемъ на прощальной аудіенціи „на отъѣздѣ“, какъ тогда говорилось, причемъ думный посольскій дьякъ Иванъ Грамотинъ отъ лица государя обратился къ архимандритамъ съ такою рѣчью: „архимандриты Кирилль и Григорій! Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, велѣлъ вамъ говорить: Пріѣзжали есте къ нашему царскому величеству и къ отцу нашему великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Русіи бити челомъ о милостынѣ, и мы, великій

государь, и отецъ нашъ, великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, пожаловавъ васъ нашимъ жалованьемъ, велѣли васъ отпустить назадъ къ святѣйшему Теофану патріарху, а съ вами посылаемъ мы и отецъ нашъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи, и мать наша благородная государыня инока Марѳа Ивановна, въ даръ ко Гробу и къ распятію Господню золотыя и иная потребная церкви Божіи, о чемъ къ намъ писалъ патріархъ Теофанъ въ грамотахъ своихъ. Да и къ патріархамъ іерусалимскому и александрійскому и въ Саввинъ монастырь посылаемъ съ вами нашего и отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича московскаго и всеа Русіи жалованья милостыни. И вы отъ насъ то жалованье патріархомъ отвезите, а патріархибъ, александрійской и іерусалимской, молилибъ Бога и пречистую Богородицу и всѣхъ святыхъ о нашемъ царскомъ многолѣтнемъ здравіи и о отцѣ нашемъ, великомъ государѣ святѣйшемъ патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ московскомъ и всеа Русіи, и о матери нашей благородной государынѣ инокѣ Марѳѣ Ивановнѣ о спасеніи и о здравіи, и о нашей женѣ царицѣ Евдокѣе о здравіи, чтобъ милосердый Богъ царство наше устроилъ мирно и подаровалъ бы намъ благородные чада въ наслѣдіе государствъ нашихъ“. Точно такъ же архимандриты приняты были „на отъѣздѣ“ и точно такую рѣчь выслушали отъ патріарха Филарета Никитича, причемъ и царь и патріархъ послали отъ себя съ архимандритомъ Кирилломъ грамоты къ Теофану, въ которыхъ одинаково извѣщали его о посылаемыхъ ему дарахъ, просили его молитвъ и только въ грамотѣ Филарета Никитича находится такая приписка: „да ваше святительство

писалъ къ намъ и прислалъ переводы съ греческихъ съ древнихъ потребниковъ о освященіи богоявленскіе воды, о прилогѣ огня и о иныхъ духовныхъ дѣлехъ, о которыхъ мы, по совѣту сына нашего великаго государя... совѣтовали съ тобою, какъ еси былъ у насъ на Москвѣ, и мы то приняли отъ вашего святительства любительно и о прилогѣ и исправили и утвердили по вашему совѣту во вѣки неподвижно“, и затѣмъ пишетъ, что данная ему въ Москвѣ Теофаномъ настольная грамота сгорѣла во время пожара, почему и проситъ его прислать новую на мѣсто сгорѣвшей.

Государева и патриаршаго жалованья всего дано было „на прїѣздѣ“: архимандриту Кириллу, кромѣ образовъ, на 140 руб.; саввинскому архимандриту Григорію на 120 р., келарямъ двумъ человѣкамъ по 64 р. человѣку, іерусалимскому дьякону 44 р., человѣку патриарха Теофана 38 р. и саввинскому старцу 20 р. На „отъѣздѣ“ дано было: архимандриту Кириллу на 40 р., саввинскому Григорію на 35 р., келарямъ по 20 р., іерусалимскому дьякону на 12 руб., саввинскому старцу на 8 рублей. Всего посольство Теофана лично для себя только отъ царя и патриарха получило подарковъ на 625 р., что, принимая тогдашній рубль за четырнадцать нынѣшнихъ, будетъ около 8,000 нынѣшнихъ рублей. Кромѣ того, за все время пребыванія въ Россіи оно пользовалось ежедневнымъ царскимъ содержаніемъ. Въ Москвѣ, напримѣръ, „поденнаго корма“ давалось: архимандритамъ Кириллу и Григорію по 3 алтына на день, да питья: по 3 чарки вина, по 3 кружки меду, по 3 кружки пива; келарямъ ихъ по 10 денегъ, саввинскому старцу да патриаршу человѣку по 8 денегъ, а питья имъ давалось: по 3 чарки вина, по 2 кружки пива и по 2 кружки меду.

Въ докладѣ Посольскаго приказа (который вѣдалъ всѣхъ прїѣзжихъ въ Москву иностранцевъ, въ который послѣдніе обязательно являлись немедленно по прибытіи въ Москву и гдѣ они подвергались допросамъ) государю о прїѣздѣ архимандрита Кирилла говорится, что патриархъ Теофанъ проситъ государя о милостынѣ вообще и, кромѣ того, проситъ еще серебряную чашу для освященія воды „рублей въ 200 и болши и иная потребная ко святынѣ сотворить, елико имъ, государемъ, Богъ извѣститъ“. Кромѣ того, Теофанъ проситъ у государыни инокини Марѣи образъ въ родѣ того, какой она пожаловала ему, когда онъ былъ въ Москвѣ, а также елей серебряный, да на масло деревянное, какъ Богъ извѣститъ.

По этому случаю сдѣлана была въ Приказѣ выписка о тѣхъ дачахъ, какія до сего времени уже получилъ отъ русскаго правительства іерусалимскій патриархъ Теофанъ. Изъ этой выписки оказывается, что лично Теофану, когда онъ былъ въ Москвѣ, всего дано подарковъ отъ государя, патриарха и государыни инокини Марѣи на 2,236 р. съ полтиною. Съ нашимъ посломъ въ Турціи Кондыревымъ въ 1622 году Теофану лично послано было соболей на 120 руб.; да къ Воскресенію Христову ко Гробу Господню въ даръ 100 золотыхъ; въ предѣль Распятія, что на Голгоѣ, 30 золотыхъ; саввинскому и вмѣстѣ архангельскому игумену 3 золотыхъ, келарю 2, двумъ человѣкамъ попамъ, да двумъ дьяконамъ по золотому человѣку; на братію на 60 человѣкъ 30 золотыхъ; виоліемскому митрополиту 20 золотыхъ. Въ 1624 году съ посломъ Иваномъ Бегичевымъ патриарху Теофану было послано соболей на 120 руб., къ Воскресенію ко Гробу Господню 50 золотыхъ, въ предѣль Распятія на Голгоѣ 15 золотыхъ, архангель-

скому игумену 2 золотыхъ, келарю одинъ золотой, двумъ попамъ да двумъ дьяконамъ по полузолотому человѣку, да на братью на 60 человѣкъ по чети золотого на человѣка и того 19 золотыхъ съ полузолотымъ, виѳліемскому митрополиту 10 золотыхъ, церкви Рождества 10 золотыхъ.

Теперь съ архимандритомъ Кирилломъ Теофану послано было отъ государя и патріарха соболями на 350 руб., да отъ царицы Марѣи лампада серебряная и сверхъ того 100 р. на масло. Кромѣ того, государь послалъ Теофану „чашу серебряную съ поддонникомъ для освященія воды“, а Филаретъ Никитичъ рукомоѣйникъ да лаханъ серебряные позолоченые, ширинка сажена жемчуги съ кистями; въ лахани вѣсу 17 гривенокъ 34 золотника, а по цѣнѣ деньгами 88 р. 18 алтынъ; въ рукомоѣйникѣ вѣсу 14 гривенокъ 6 золотниковъ, а по цѣнѣ деньгами 70 р. 21 алтынъ; всего въ лохани и въ рукомоѣйникѣ вѣсу 31 гривенка (т. е. около 16 фунтовъ) 40 золотниковъ, а стоятъ на деньги 159 р. 6 алтынъ; ширинка въ счетъ не положена“. Съ архимандритомъ Кирилломъ еще послано было: къ Воскресенію ко Гробу Господню 100 золотыхъ, въ предѣль къ Распятію на Голгоѣ 30 золотыхъ, архангельскому и вмѣстѣ саввинскому игумену 3 золотыхъ, келарю 2 золотыхъ, двумъ попамъ и двумъ дьяконамъ по золотому, на братью 60 человѣкъ 30 золотыхъ, виѳліемскому митрополиту 20 золотыхъ, въ церковь Рождества 20 золотыхъ. А послана эта милостыня для того, „что турскіе люди наложили на церковь Христову и святой градъ Господень многую дань и многую тягость учинили“.

Іерусалимское посольство было возвращено назадъ необычнымъ путемъ чрезъ Путивль и Польшу, а моремъ на Архангельскъ, чрезъ Англію, причемъ государь по-

слалъ съ нимъ къ англійскому королю особую грамоту, въ которой объясняетъ, что іерусалимское посольство онъ велѣлъ отпустить „на ваше англійское королевство для того, что имъ на иные государства въ Іерусалимъ проѣхать не мочно: въ польской и литовской землѣ греческой вѣрѣ отъ латынъ неистовство многое, и чрезъ польскую и литовскую землю не пропускаютъ и тѣсноту имъ чинятъ многую“, въ виду чего просить короля по содѣйствовать имъ на кораблѣ переправиться въ Іерусалимъ, „а мы, великій государь, вамъ, брату нашему, потому жъ будемъ воздавати нашею государскою любовію, гдѣ будетъ намъ пригоже и возможно“¹.

Отправивъ въ Москву своего племянника архимандрита Кирилла Теофанъ между тѣмъ, воспользовавшись случаемъ, снова писалъ государю и Филарету Никитичу отъ 15 Сентября 1625 года, съ синайскимъ архимандритомъ Малахіею, отправлявшимся въ Москву, жалуюсь на притѣсненія армянъ и латинянъ, почему и просилъ оказать милость посланному имъ въ Москву архимандриту Кириллу. „Многіе печали и тѣсноты въ нынѣшнихъ днехъ примаемъ, писалъ онъ государю, и пребываемъ въ нуждахъ и печалехъ отъ иноплеменныхъ враговъ—отъ армянъ и отъ латынъ, которые имѣютъ у себя многое богатство и хотятъ у насъ отнять Св. мѣста изъ рукъ нашихъ на похуленіе православнымъ хрестіаномъ. А мы въ томъ надежды не имѣемъ опречь вашіе государскіе милости, и сего ради молимъ: да поможете намъ и милостину пошлете съ нашими людьми, которыхъ послали есмь къ вамъ прежь сего (разумѣетъ архимандрита Кирилла), а мы во дни и въ нощи надежду и упованіе на святую державу твою имѣемъ, да освободимся отъ враговъ своихъ.“ Въ грамотѣ къ Филарету

¹ Греч. д. 7133 г. № 5.

Никитичу писалъ между прочимъ объ отпускѣ изъ Москвы его архимандрита Кирилла съ милостынею для того, „что Св. Гробъ и иные многіе Св. мѣста нужды принимаютъ отъ еретикъ иновѣрныхъ, и чтобъ ихъ латыня и армена своимъ богатствомъ необладали и благовѣрнымъ христьяномъ позорища не было, потому что иные надежды и помощи развѣ вашего царствія не имѣемъ и сего ради молимъ: сотворите милость!“¹

Въ концѣ 1629 года въ Москву прибыло новое посольство изъ Іерусалима: виѳліемскій митрополитъ Аѳанасій, іерусалимскій архимандритъ тоже Аѳанасій и монастыря Саввы Освященнаго архимандритъ Исаія. Съ митрополитомъ Аѳанасіемъ Теофанъ прислалъ государю грамоту, писанную отъ 28 Іюля 1629 года, въ которой онъ извѣщаетъ царя о полученіи милостыни и подарковъ, посланныхъ къ нему съ архимандритомъ Кирилломъ, благодаритъ за нихъ и затѣмъ пишетъ, „что злый недругъ нынѣ, нѣкоторый князь нечестивый тиранъ пришедъ и воспріялъ Св. Градъ Іерусалимъ безъ указа и безъ изволенія царскаго и великій убытокъ намъ учинилъ, не только едино къ намъ, но и къ природнымъ своимъ нечестивымъ языкомъ агаряномъ, болѣ штидесять тысячъ ефимокъ намъ учинилъ онъ—отъ Бога проклятый князь... два года держалъ святой градъ Іерусалимъ и нечего было намъ ему сотворити и индѣ прибѣгнуть“, въ виду чего и обращается къ государю съ просьбою о милостынѣ. Въ грамотѣ къ государынѣ Евдокиѣ Лукьяновнѣ Теофанъ пишетъ, чтобы она, подобно святой царицѣ Еленѣ, соорудившей многія церкви и назиравшей Св. мѣста, обновила церковь Воскресенія. Къ государынѣ инокинѣ Марѣѣ Теофанъ между прочимъ пишетъ: „сотвориши имъ милостыню, яко же и

¹ Греч. д. 7134 г. № 17.

преже того насъ миловала еси, яже тою святою иконою (которая дана была государынею Теофану, въ бытность его въ Москвѣ), что есть творить нынѣ многіе чудеса и здравіе падаетъ и всякъ, ее видя, честь и хвалу воздаетъ, что есть даяніе отъ рукъ царскихъ“. Привезъ митрополитъ Аѳанасій отъ Теофана и новую ставленную грамоту Филарету Никитичу. На этотъ разъ милостыня къ Теофану была послана не великая. Такъ какъ въ 1629 году нашими послами въ Турціи, Яковлевымъ и Евдокимовымъ, дано было Теофану пять сороковъ соболей на 170 р., то теперь (въ 1630 г.) къ Теофану послано было на милостыню съ виѳліемскимъ митрополитомъ только два сорока соболей на 100 р., о чемъ царь и патріархъ извѣстили Теофана особою грамотою¹.

Посылая въ Москву виѳліемскаго митрополита Аѳанасія Теофанъ рассчитывалъ получить чрезъ него отъ русскаго правительства большую богатую милостыню, а получилъ только 100 р., т. е. на наши деньги 1400 р. Теофанъ былъ обиженъ, увидѣлъ въ этомъ нерасположеніе къ себѣ русскаго правительства, которое, по его мнѣнію, поддавалось зловредному вліянію нѣкоего враждебнаго ему, проживавшаго тогда въ Москвѣ, веррійскаго митрополита Аверкія, противъ котораго и рѣшился теперь ополчиться Теофанъ. Дѣло тутъ заключалось въ слѣдующемъ.

¹ Греч. д. 7138 г. № 80. 5 Мая 1630 г. послы Яковлевъ и Евдокимовъ возвратились изъ Константинополя и привезли грамоту Теофана отъ 25 Февраля 1629 года, въ которой онъ писалъ государю: «вѣдомо буди самодержавному твоему царствію о семъ, державный царю, что есмы богомольцы святаго твоего царствія, пришли есмы въ то время отъ святаго града Іерусалима въ Константиный градъ и обрѣли есмы пословъ царствія твоего.. и были у нихъ и благословили ихъ и приняли отъ нихъ изъ рукъ... милостыню пять сороковъ соболей. И монастырь святыи градъ Іерусалимъ до днесъ цѣль и нерушимъ» (Греч. д. 7138 г. № 23).

Феофанъ, уѣзжая изъ Москвы, послѣ поставленія въ патріарха Филарета Никитича, оставилъ въ Москвѣ своего старца Іоанникія на вѣчное житіе здѣсь. Этотъ Іоанникій сталъ называться у насъ новоспасскимъ келаремъ грекомъ Іоанникіемъ и пользовался особымъ расположеніемъ царя и патріарха. Въ лицѣ Іоанникія Феофанъ хотѣлъ имѣть при московскомъ дворѣ преданнаго ему агента, который бы служилъ въ Москвѣ представителемъ и надежнымъ истолкователемъ патріаршихъ нуждъ и интересовъ и, что особенно важно, который бы направлялъ щедрую русскую милостыню главнымъ образомъ въ Іерусалимъ. Іоанникій дѣйствительно сдѣлался въ Москвѣ радѣтелемъ интересовъ іерусалимскаго патріарха, который не разъ, въ своихъ письмахъ къ Іоанникію, просить его устроить то или другое дѣло и особенно, указывая на его вліяніе при дворѣ, просить хлопотать о милостынѣ Св. Гробу. Іоанникій, конечно, хлопотеть объ этомъ, хлопотеть и по другимъ дѣламъ Феофана. И не только самъ Феофанъ обращался къ Іоанникію, прося его содѣйствія при московскомъ дворѣ по тому или другому случаю, но и разные просители милостыни, отправляясь въ Москву, старались запастись рекомендаціей къ Іоанникію, какъ сильному и вліятельному въ Москвѣ, отъ котораго много зависитъ успѣхъ ходатайства просителя о милостынѣ. Дѣйствительно Іоанникій успѣлъ пріобрѣсти въ Москвѣ сильное вліяніе на раздачу милостыни просителямъ, такъ какъ наше правительство обращалось къ нему за свѣдѣніями относительно пріѣзжавшихъ въ Москву просителей милостыни и относительно разныхъ греческихъ монастырей. По просьбѣ Филарета Никитича Іоанникій даже написалъ особую докладную записку о монастыряхъ, имѣющихся въ Цареградѣ, Іерусалимѣ и во всей греческой

землѣ. Когда персидскій шахъ прислалъ въ даръ Михаилу Феодоровичу ризу Господню, то въ Москвѣ остереглись сразу повѣрить въ подлинность этой ризы и между прочимъ обратились за справками къ келарю Іоанникію, не знаетъ ли онъ чего про „Христову срачицу“ и про инья святыни, гдѣ они и въ которомъ государствѣ, не слыхалъ ли онъ чего объ этомъ въ Греціи, когда былъ тамъ? ¹

Между тѣмъ въ Іюлѣ 1628 года прибылъ въ Москву и остался здѣсь на житіе веррійскій митрополитъ Аверкій. Тоже сдѣлали митрополиты селунскій Паисій, пріѣхавшій въ Москву въ 1629 году, и севастійскій Іосифъ, пріѣхавшій въ 1630 году. Эти три іерарха, поселившись въ Москвѣ, жили при дворѣ, пользовались у царя и патріарха почетомъ и вліяніемъ. По мысли русскаго правительства выѣзжіе іерархи должны были быть посредниками между просителями милостыни съ востока и правительствомъ: они должны были давать правительству свѣдѣнія о личности просителя, о монастырѣ или епархіи, представителемъ которой проситель является, о дѣйствительныхъ нуждахъ и потребностяхъ епархіи или монастыря, должны были разоблачать обманы и продѣлки разныхъ самозванныхъ просителей милостыни и т. под. Очевидно, что роль ихъ въ этомъ отношеніи была очень важна и вліятельна, такъ что дѣло раздачи милостыни просителямъ почти исключительно перешло въ ихъ руки. Самымъ виднымъ и вліятельнымъ лицомъ изъ этихъ трехъ іерарховъ былъ митрополитъ веррійскій Аверкій, скоро пріобрѣтшій сильное расположеніе къ себѣ Филарета Никитича и полное его довѣріе, которымъ онъ впрочемъ восполь-

¹ Греч. д. 7135 г. № 19; 7136 г. № 11; 7137 г. № 22; Дворц. разряды т. II, стр. 768 и 788.

зовался исключительно въ видахъ личной наживы. Какъ и слѣдовало ожидать Аверкій неужился ни съ своими сотоварищами, выходцами іерархами, ни тѣмъ болѣе съ келаремъ Іоанникіемъ, ранѣе тоже сильнымъ и вліятельнымъ при московскомъ дворѣ. И вотъ Аверкій начинаетъ инсинуировать: „на него-де всякое зло умышляетъ спасскій бывшій келарь Іоанникій, вмѣстѣ съ селунскимъ митрополитомъ Паисіемъ, всегда съ митрополитомъ сходятся и пьютъ, а на Аверкія умышляютъ, какъ бы его чѣмъ опозорить и отъ государскія святѣйшаго патріарха милости отлучить своими лживыми доносами“. Аверкій заявлялъ еще, „что селунскій митрополитъ Паисій, умысля съ Іоанникіемъ, севастійскаго митрополита наговариваютъ, чтобы съ ними жъ въ совѣтѣ былъ и звалъ его къ себѣ селунскій митрополитъ дважды и съ нимъ о томъ говорилъ, чтобы съ ними жъ былъ въ совѣтѣ на него Аверкія. И севастійскій митрополитъ Іосифъ у селунскаго митрополита былъ, а онъ, Аверкій, опасается отъ нихъ всякаго дурна, и великому государю святѣйшему патріарху Филарету Никитичу московскому и всеа Руси про то было бы извѣстно“. Въ этой затѣявшейся борьбѣ между выѣзжими греками изъ за вліянія при московскомъ дворѣ Аверкій оказался сильнѣе своихъ противниковъ. Въ 1631 году ему удается сослать на Соловки племянника Іоанникія чернаго дьякона Іоасафа, что указываетъ на упадокъ вліянія при дворѣ келаря Іоанникія, который впрочемъ, вскорѣ послѣ ссылки своего племянника, „умеръ скорою смертію безъ приказа (духовной) и безатходныя“. Теперь у Аверкія остался одинъ противникъ, селунскій митрополитъ Паисій, но съ нимъ соединился скоро другой, всѣхъ болѣе опасный и вліятельный въ Москвѣ—самъ іерусалимскій патріархъ Теофанъ.

Теофанъ, какъ сказали мы выше, имѣлъ въ Москвѣ, въ лицѣ келаря Іоанникія, безусловно преданнаго ему человѣка, который являлся всегда ходатаемъ и представителемъ интересовъ іерусалимскаго патріарха предъ царемъ и Филаретомъ Никитичемъ. Но съ появленіемъ въ Москвѣ веррійскаго митрополита Аверкія, авторитетъ и вліяніе Іоанникія значительно пали; Аверкій враждебно столкнулся съ Іоанникіемъ, одержалъ надъ нимъ побѣду и тѣмъ самымъ необходимо возбудилъ противъ себя Теофана. Послѣдній скоро увидѣлъ, что въ Москвѣ пользуется вліяніемъ уже не его креатура.—Іоанникій, а другой человѣкъ, который не имѣлъ причинъ направлять русскую милостыню въ Іерусалимъ или на лицъ, рекомендуемыхъ главнымъ образомъ іерусалимскимъ патріархомъ. Когда поэтому отправленный Теофаномъ въ 1629 году въ Москву виѣлемскій митрополитъ Аванасій привезъ ему милостыни только 100 рублей, то Теофанъ увидѣлъ въ этомъ слѣдствіе пагубнаго вліянія при московскомъ дворѣ Аверкія и рѣшился дѣйствовать. Въ письмѣ къ селунскому митрополиту Паисію въ 1630 году Теофанъ проситъ его словомъ и дѣломъ ходатайствовать за просителей монастыря св. Анастасіи, благодарить его, „что прислалъ намъ икону и не забываешь св. Гроба“, а про Аверкія говоритъ, что слышалъ будто онъ отсѣкъ милостыню отъ св. Гроба, за что грозитъ ему наказаніемъ въ будущемъ вѣкѣ и анаѣмою отъ седми соборовъ св. отецъ.

Писалъ Теофанъ отъ 12 Іюля 1630 года особое письмо къ самому Аверкію, въ которомъ, благодаря его, съ одной стороны, за любовь, писалъ далѣе: „съ другой стороны показалъ ты зѣльную кручину, словеса непріязненныя къ патріарху и царю, и отсѣкъ милостыню къ святому Гробу, такъ что возвратился назадъ

празднымъ митрополитъ виоіемскій, издержавъ болѣе, нежели сколько привезъ съ собою милостыни, вопреки нашему чаянію. Къ намъ писалъ царь, чтобы прислали за милостынею, и мы прислали, надѣясь что обрѣтеть помощь св. Гробъ, ибо погибаетъ отъ великаго долга и еретиковъ; вѣдаешь ты самъ, что никогда не пребываютъ въ благѣ благочестивые христіане; а ты, если такъ учинилъ, достоинъ анаѣемы, какую произносили на недруга, супостата церковнаго Арія и прочихъ, святые отцы седми соборовъ. Не мнѣ учинилъ ты зло, но церкви Божіей, которой поклоняется вся вселенная и всѣ православные христіане; всѣхъ ты обидѣлъ и милостыню у насъ отнялъ, сказавъ, будто я милостыню христіанскую или царскую здѣсь христіанамъ отдалъ и учинилъ своихъ митрополитами; ничего такого не бывало, все, что собрали, послалъ я въ церкви Божіи. Если сказано про тебя несправедливо, буди тебѣ благословеніе и молитва; но виоіемскій пришелъ порожнимъ и кто не услышалъ о томъ, дивился, ибо принесъ отъ царя и отъ патріарха только два сорока соболей, да сто рублей денегъ св. Гробу. А мы надежду имѣемъ истинно и нынѣ, ради того еще написали къ царю и пресвятѣйшему патріарху, чтобы хотя немного прислали; мы и о томъ благодаримъ“. Въ концѣ грамоты находится такая приписка: „Святый веррійской! Хотѣли есми много еще говорити и писати, а нынѣ молчимъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста будемъ въ Константиноградѣ, увидимъ и разсудимъ, что какъ ты тутъ у царя и наговариваешь и доводишь того-сего, да ихъ напраснишь и обманываешь царя, а онъ того не вѣдаетъ. А мы начаялись и ждали покаянія отъ злыхъ дѣлъ твоихъ, а нынѣ на старости твоей не будемъ покрывать злоразуміе твое многое. Многихъ въ напасть ввелъ

еси! Полно окаянне! близъ еси смерти! Началь еси хотѣнемъ своимъ и показалъ еси невѣріе ко многимъ“¹.

Наконецъ Теофанъ въ томъ же 1630 году прислалъ объ Аверкіѣ особую грамоту и Филарету Никитичу, въ которой писалъ: „Святѣйшій братъ по духу! да знаеши, яже не скорблю о царствіи вашемъ малыя ради милостыни, яко присласте съ митрополитомъ виоіемскимъ господиномъ Аванасіемъ, елико скорблю о нѣкоемъ Аверкіѣ, нѣкогда митрополитѣ веррійскомъ, о немъ же слышахъ, яко ложно глаголетъ о мнѣ къ вашей пресвятости, его же и слушаеши и вѣруеши ему. Обаче, аще восхощете, да познаете лжа его, се первее: повину царство ваше писати къ намъ и сотвори себѣ нѣкоего братанца, и онъ нѣсть ему братанецъ, точію есть единъ купецъ, иже прииде тамо, да купить купля, яже суть соболи“ и будто бы самъ Аверкій имѣлъ виноградники въ Константинополѣ; но онъ не только не имѣлъ здѣсь виноградниковъ, но ради нищеты своей и лукавства уже двадцать лѣтъ какъ изгнанъ изъ епархіи веррійской, и около десяти лѣтъ какъ переселился въ молдовлахійскую². Стыдно говорить все то, что онъ сдѣлалъ: по его клеветѣ удержалъ воевода Александръ у меня тысячу златницъ и часть той милостыни, которую вы

¹ Греч. д. 7138 г. № 31. — ² Теофанъ разумѣетъ здѣсь слѣдующія обстоятельства: Аверкій, вкравшись въ Москвѣ въ довѣріе царя и патріарха, наговорилъ имъ, что у него на родинѣ есть вотчины и виноградники, которые-де онъ принужденъ былъ заложить. Изъ Москвы онъ посылалъ нѣкоего грека Дементія, ложно назвавъ его своимъ племянникомъ, для выкупа своихъ имѣній и виноградниковъ и для продажи ихъ, причемъ царь и патріархъ помогали ему не только деньгами, но и рекомендательными грамотами къ константинопольскому патріарху Кириллу Лукарису. Въ дѣйствительности же у Аверкія въ Константинополѣ вовсе не было никакихъ имѣній и виноградниковъ, все это онъ придумалъ съ цѣлію выманить у царя и патріарха побольше денегъ, на которыя онъ покупалъ товары и посылалъ ихъ для продажи въ Константинополь, то съ своимъ келаремъ Пахомиемъ, то съ купцомъ грекомъ Дементіемъ, котораго онъ ложно выдавалъ въ Москвѣ за своего племянника.

мнѣ дали. Посему и пришелъ я сюда въ влахійскую область, чтобы възыскать утраченное, которое мнѣ возвратили, и чтобы озаботиться устройствомъ подворьевъ св. Гроба, которыя здѣсь имѣю. Не подобало бы мнѣ о немъ или о комъ либо другомъ что рассказывать, но поелику слышали, что онъ началъ ложно говорить о насъ вашему царствію, не могли мы сего перенести. Или не довольно ему, сколькихъ онъ ввелъ въ напасть, и что научаетъ царствіе ваше заточенію неповинныхъ? и вотъ еще хочетъ смущать патриарховъ между собою, а не сидитъ спокойно, благодаря Бога, который привелъ его въ такое христіанское царство, гдѣ обрѣлъ и честь и покой, и гдѣ бы могъ мирно проводить дни свои, заботясь о томъ, что полезно душѣ его, дабы пребывала она въ покаяніи; но однако зло его не оставляетъ и онъ не памятуетъ о своей смерти, и что еще буду о немъ писать? — И еще да знайте, яко елицы приходятъ и приношаютъ отвсюду къ вашему царскому величеству посланія, онъ, съ Борисомъ преводникомъ, протолкуютъ якоже сами хотятъ, непоказующе царству вашему истину, и нищѣ исходятъ отъ царства вашего оскорблени отъ нихъ, яко вами данную имъ милостыню взимаютъ, и сему (Аверкію) не подобаетъ ниже епитрахиль, ниже омофоръ возложить. Прочее ваша пресвятость возми и самага сего келейника нашего посланнаго къ вамъ—Мелентія инока тай въ клѣтъ свою и исповѣсть ти вся. Прочее же святѣйшій патриарше господине брате Филарете, аще речетъ кто отъ врагъ нашихъ, яко милостыня царствія вашего не доходитъ на Гробъ Божій и сосуди, иже посласте, не пришли, послите нѣкоего вѣрнаго архимандрита вашего съ двѣма или съ тремя старцы, иже да облукуются во одежды здѣшнихъ иноковъ и да придутъ да поклонятся

мѣстомъ святымъ и помолятся о благодравіи и спасеніи царскомъ и о вашей пресвятости, и да нетокмо яже до нынѣ вашимъ тамо прислася царствомъ увидитъ, но и яже отъ древнихъ святопочившихъ царей, дѣдовъ и прародителей вашего царства, отъ блаженнаго Теодора царя и прочихъ, ибо и до днесь есть едино Евангеліе и митра едина, яже достохвальнѣйшія суть вещи; долгъ бо аще и имамы, добрѣ тако есть, имамы бо доволенъ, якоже и писахомъ вамъ. А сосуди царскія церковныя, глаголю, никакоже изнуреваемъ, но и зѣло опасно сохраняемъ ихъ на память сотворшихъ я царей. О вышереченномъ же Аверкіи вѣсно буди вашей пресвятости, како посла онъ нѣкогда ко мнѣ моленіе, купно и съ дары, коеже простити его, и абіе получи прошеніе отъ смиренія нашего. Нынѣ же паки слышавъ оболгательная его, еже о мнѣ, словеса къ царскому величеству и вашей пресвятости, вѣждь святѣйшій брате, яко паки оскорбихся нанъ“.

На эту обвинительную противъ Аверкія грамоту Теофана отвѣчалъ ему оправдательною грамотою Филаретъ Никитичъ. Въ ней дословно повторивши всю грамоту Теофана онъ затѣмъ пишетъ: „Азъ же, Филаретъ патриархъ, отвѣща убо о семъ нашимъ писаніемъ о томъ митрополитѣ Аверкіѣ: ей! ей! глаголю о Христѣ, не лжу, по своему святительству въ правду, не слыхалъ есми отъ Аверкія про ваше святительство, великаго господина, брата нашего и сослужебника, никакого зла, развѣ хвалился твоимъ благословеніемъ и духовною о Христѣ любовію. А о малой милостыни, что прислана къ тебѣ отъ царскаго величества и отъ насъ, патриарха, съ виоліемскимъ митрополитомъ, и о томъ ни царь, ни азъ, патриархъ, во истину отъ Аверкія, митрополита веррійскаго, не слыхали ничего, а

учинилася та отъ насъ малая милостина по самой нуждѣ, что недругъ нашъ и супостатъ польской король, по умысленью папы римскаго, хочеть царства нашего доступить и до конца его погубить, и вѣру нашу истинную христіанскую православную, греческаго закона, разорить и свою папешскую еретическую вѣру ввести и утвердить. И мы готовимся противъ недруговъ своихъ, и казну многую роздали многимъ ратнымъ людямъ и ты, господине-брате, на насъ о томъ не подиви, безхитростно учинилось, а не отъ Аверкія. А про большую милостыню, которая послана отъ царя и отъ насъ съ архимандритомъ Кирилломъ вашимъ и съ келаремъ Акакіемъ, и будто тотъ же Аверкій, ссориваючи насъ патріарховъ говорилъ про тое большую милостыню, что будто ты патріархъ той милостыни большой въ предыдущіе годы въ свою казну сохранны не положилъ и нынѣ де тое большой милостыни въ вашей казнѣ нѣтъ, и мы отъ Аверкія того не слышали же, и ни отъ кого того не слышали же, и вѣримъ тому, что та большая милостыня, посланная отъ насъ къ животворящему Господню Гробу, въ вашей казнѣ и нынѣ цѣла, а и въ предъидущіе годы будетъ сохранена цѣла. А что писано отъ тебя про Аверкія, что онъ изгнанъ изъ своей веррійской митрополіи отъ нищеты его и отъ лукавства его двадцать лѣтъ, а того имянно не написано: отъ мірскихъ людей, или отъ духовнаго собора за его недостойное житіе изгнанъ. А что Аверкій извѣщалъ намъ на гречинъ, на двухъ Григорьевъ архимандритовъ и на Константина Ларева, да и иные гречане намъ извѣщали, что они нашему царству недоброхоты и многую хотѣли смуту чинить и похвалялись всякимъ лихомъ; и мы, сыскавъ ихъ воровство, разсылали по городамъ, ни въ заточенье, ни въ тюрьму, развѣ для

смиренья.... И азъ патріархъ Филаретъ мню себѣ, что общій нашъ врагъ діаволь между насъ смуту учинилъ, возненавидѣвъ нашу духовную любовь и азъ, господине-брате, о томъ вельми оскорбляюсь....“¹

Очевидно Аверкій пользовался въ это время такимъ большимъ довѣріемъ Филарета Никитича, что даже доносъ на него самого Теофана не произвелъ въ Москвѣ ожидаемаго впечатлѣнія, Филаретъ Никитичъ оправдываетъ Аверкія отъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій. Но Аверкій продолжалъ злоупотреблять своимъ вліятельнымъ положеніемъ въ Москвѣ, такъ что Филаретъ Никитичъ принужденъ былъ наконецъ, неизвѣстно по какому частному случаю, предпринять противъ него самыя рѣшительныя мѣры, именно: снять съ него митрополичій санъ и въ качествѣ простого чернеца сослать на житье въ костромской Ипатьевскій монастырь, откуда, по ходатайству константинопольскаго патріарха Кирилла веррійскаго, онъ былъ взятъ и отправленъ за границу.

Вмѣшательство Теофана въ дѣло Аверкія едва-ли могло произвести въ Москвѣ благоприятное впечатлѣніе, такъ какъ побужденія, руководившія въ этомъ случаѣ Теофаномъ, были не особенно высокія,—это подозрѣніе, что ему, подъ вліяніемъ Аверкія, прислана скудная милостыня, тогда какъ онъ рассчитывалъ на получение большей. По этому только побужденію Теофанъ рѣшается раскрыть московскому патріарху глаза на Аверкія и всѣ его продѣлки, о которыхъ онъ зналъ ранѣе, но о которыхъ умалчивалъ, пока не счелъ себя обиженнымъ Аверкіемъ. Впрочемъ этотъ случай не оказалъ никакого замѣтнаго вліянія на дальнѣйшія сношенія Теофана съ русскимъ правительствомъ.

¹ Греч. д. 7139 г. № 7.

Отъ 7 Юля 1632 года Теофанъ извѣщаетъ государя, что посланная съ русскими послами въ Турціи—Прончищевымъ и Бормосовымъ отъ царя и патріарха милостыня 6 сороковъ соболей имъ получена, причемъ благодаритъ царя, что онъ не забываетъ Св. мѣсть и посылаетъ ему разныя благожеланія ¹.

Отъ 29 Юня 1633 года Теофанъ писалъ Филарету Никитичу: „буди вѣдомо, что въ нынѣшнихъ временахъ отъ великихъ тѣснотъ невозможно человѣку въ здѣшнихъ странахъ въ покой пребывать, и подобаетъ всякими дѣлы и покорнымъ сердцемъ просити помощи и облегченія отъ тяготы своея... А въ здѣшнихъ странахъ нашихъ до сего дни погибаютъ, аки въ огни горяще отъ вседневнаго насильства и налоговъ отъ нечестивыхъ агарянъ и отъ ихъ гоненія, и не имѣемъ гдѣ главы своея приклонити“ ².

Въ граматѣ къ государю отъ 25 Января 1634 года, присланной съ подъячимъ Лазаревымъ, Теофанъ пишетъ: „буди вѣдомо державный царю и христоробезный сыну нашего смиренія, что мы случилися пребывать въ Константинополь для нѣкихъ причинъ: учинилися во святыхъ мѣстехъ отъ нѣмецъ, роду латинскаго, многіе бѣды и споры съ ними для ради святыхъ пещеры святаго Виоліома, гдѣ Иисусъ Христосъ родился для нашего спасенія, и хотѣли насъ совсѣмъ оттолѣ отставить, и денежныя многіе протори учинились намъ съ ними. Только Божіе просвѣщеніе далось въ сердцѣ многолѣтному царю салтанъ Мурату, учинилъ намъ крестьяномъ праведно, а нѣмецъ много опозорилъ и къ царствію твоему многую помощь и любовь оказываетъ, а полякамъ весьма страхъ воздалъ. А послы царствія вашего, Яковъ Оксентьевичъ да Матвѣй Михайловичъ,

¹ Греч. д. 7140 г. № 9. — ² Греч. д. 7142 г. № 2.

разумно живутъ здѣсь и досужи и царь въ доброй чести имѣетъ, и, скончавши дѣла царствія вашего, поѣдутъ по Божіей милости, и мы съ ними пошлемъ нашихъ людей и тогда отпишемъ, что надъ нами учинилось.“ Къ Филарету Никитичу, отъ 1 Февраля, Теофанъ писалъ: „буди вѣдомо святѣйшій владыко, что бѣды и нужи чинятца и терпимъ всегда отъ недруговъ вѣры нашея святаго ради Гроба и святаго Виоліома, и болши отъ гордыхъ еретиковъ роду папезскаго, похваляются и надѣются на богатство свое, а мы всегда прибѣгаемъ къ Божіей силѣ и къ надеждѣ и къ помощи и къ благочестивому самодержцу Михаилу Теодоровичу всея Руси... А здѣсь видимъ царство турецкое добро вамъ помогаетъ: Абазу нашу послалъ и великую страсть полякомъ воздалъ съ воеводами съ волоскимъ и съ мулянтскимъ, и шель большой посоль литовской и послалъ воротить ево назадъ, и то есть помочь царствію вашему. А съ которыми съ великими людьми знаемъ, и мы всегда ихъ понужаемъ на помощь царствію вашему, и видимъ что въ доброту пошло дѣло“ ¹.

Особою граматою отъ 28 Февраля 1634 года государь извѣщалъ патріарха Теофана о кончинѣ отца своего патріарха Филарета Никитича 1 Октября 1633 года, о поставленіи на его мѣсто въ московскіе патріархи псковскаго архіепископа Юсафа, причемъ пишетъ, чтобы имя Филарета Никитича было записано во всѣ синодики для вѣчнаго поминовенія, „понеже его святительство бысть въ жизни своей къ вашему крайнему святительству о Христѣ и по духу во всемъ присный собесѣдникъ, и всѣмъ святымъ мѣстамъ великія Палестины твоея святыхъ паствы бысть незабытнѣй и щедрѣй назиратель“. Эта извѣстительная царская грамота отпра-

¹ Греч. д. 7142 г. № 7.

лена была съ послами Коробьинымъ и Матвѣевымъ, съ которыми отправлена была и царская милостыня: къ Воскресенію Христову ко Гробу Господню въ даръ 50 золотыхъ, да въ придѣль къ Распятію Господню 15 золотыхъ, да на поминъ по Филаретѣ Никитичѣ 25 золотыхъ; въ іерусалимскіе монастыри (13) 88^{1/2} золотыхъ въ Виолиемъ къ пещерѣ Рождества Христова 10 золотыхъ, да митрополиту 10 золотыхъ, въ четыре монастыря около Виолиема 21^{1/2} золотой, архіепископу лидскому 8 золотыхъ, газскому митрополиту 8 золотыхъ, въ Синайскую гору 34^{1/2} золотыхъ; да столькоже было роздано указаннымъ лицамъ и мѣстамъ на поминъ Филарета Никитича. Самому патріарху Теофану послано по душѣ Филарета Никитича соболями на 500 р., да на милостыню 150 р. соболями¹.

Между тѣмъ въ началѣ 1635 года въ Москву прибылъ, ранѣе уже бывший въ ней, племянникъ Теофана архимандритъ Кирилль. Съ нимъ Теофанъ прислалъ грамоту государю, въ которой писалъ, что „учинилася у нихъ въ Іерусалимѣ великая смута и изтязаніе межъ православныхъ христіанъ и латинъ тамо живущихъ о божественной, святой и великой Пещерѣ, въ ней же плотію родися Господь нашъ Іисусъ Христосъ и о иныхъ же святыхъ мѣстехъ, и видя де они то, что не мочно тѣхъ дѣль тамъ докончати, пріѣхали въ Царьгородъ и многожды съ латыни и иными роды въ царскомъ диванѣ судились, а то де и государевы первые послы — Аонасій Прончищевъ да дьякъ Тихонъ Бормосовъ и другіе послы — Яковъ Дашковъ да дьякъ Матвѣй Сомовъ, видѣли. И Муратъ салтанъ посылалъ въ Іерусалимъ людей своихъ, и велѣлъ ключи святой Пещеры у враговъ ихъ взять и привести въ Царьго-

¹ Греч. д. 7142 г. № 6.

родъ; и тѣ де ключи въ Царьгородъ привезены и отданы ему, патріарху, въ руки, и во всемъ де они враговъ своихъ одолѣли. А учинились де въ Іерусалимѣ и въ Царьградѣ имъ въ томъ многіе и великіе протори и убытки, а помогали де имъ въ тѣ протори христіане, которые тамъ живутъ, ктожъ по своей силѣ. Да онижъ де заняли для тѣхъ же дѣль 25,000 рублей у иноплемненныхъ іудеевъ въ великіе росты, а заплатитъ де имъ того долгу нечѣмъ, и для того послалъ онъ, патріархъ, къ государю бити челомъ о освобожденіи Гроба Господня и Святой Пещеры и иныхъ святыхъ мѣстъ для милостыни архимандрита Кирилла... И государь бы пожаловалъ къ тѣмъ святымъ мѣстомъ велѣлъ дати милостыню, чтобъ имъ освободиться отъ долгу, и былъ бы въ тѣхъ мѣстахъ новый соорудитель, яко же св. царь Константинъ и мати его царица Елена, которые тѣ святые мѣста сооружали.“ О томъ же Теофанъ писалъ и къ Филарету Никитичу, но его уже не было въ живыхъ. Государь указалъ послать Теофану съ архимандритомъ Кирилломъ милостыни на 150 р., да на освобожденіе Гроба Господня соболями на 1000 р.¹

Въ началѣ того же 1635 года воротились въ Москву царскіе послы изъ Турціи — Иванъ Коробьинъ и дьякъ Семень Матвѣевъ и привезли съ собою грамоту Теофана къ государю, писанную 1 Ноября 1634 года, въ которой Теофанъ подробно рассказываетъ о послѣднихъ событіяхъ въ Іерусалимѣ. „Воздаемъ вѣдомо, пишетъ онъ, державному твоему царствію: въ то время какъ имѣли многіе нужи и обиды отъ невѣрныхъ латынь, которые хотѣли насильствомъ отнять Св. Гробъ и Виолеемъ, какъ есми писали прежь сего съ архимандритомъ Кирилломъ съ товарищи, и вамъ о томъ есть

¹ Греч. д. 7143 г. № 1.

вѣдомо, что есми и проторились проторми великими и несмѣтными, и посемь святой Богъ послалъ помощь свою и осилили есмя ихъ опять и взяли ключи Св. Гроба и Виеліема. И посемь, пришедъ не большое время, нашла иная бѣда и нужда отъ арменъ еретиковъ, и тѣ армена обнищали въ щетѣ своемъ, и потеряли пасхалью свою и разговѣлися въ Ѳомину недѣлю. И то вѣдаючи еретики преже того отъ позору и неимѣють что дѣлати и затворили Св. Гробъ силою иноплеменныхъ, и не пропустили православныхъ христіанъ по старому закону сотворити во святую и великую субботу сподобитися и видѣти свѣтъ Господень. И въ тѣ поры было слезолитія отъ православныхъ христіанъ, только праведный Богъ, что любитъ всегда правду, милости не оставилъ на многое время, и помилова рабъ своихъ, уповающихъ на него. И такъ иноплеменные берегли со оружіемъ съ надворья, а двери были запечатаны, а хрестьяны отгонены отъ церкви стояли въ скорби со слезами, и въ тотъ часъ учинилось яко нѣкій гласъ и земное трясеніе, а святой огонь явился отъ щелей кровли Св. Гроба и освѣтилъ всю церковь и враговъ ослѣпилъ, и людіе иноплеменные берегли и водою заливали, чтобъ огонь не выходилъ, и невозмогли учинити ничего, а выходилъ огонь трожды. Только одна жена старая прилучилася близко, и свѣщи имѣла въ рукахъ, и тѣ свѣщи загорѣлися собою. И въ тѣ поры враги хотѣли тое жену убить и у нихъ великая помѣшка учинилася межъ собою. И въ тѣ поры христіане съ радостію и со слезами къ Богу возопіяли: Господи помилуй! а иноплеменные и еретики, которые православныхъ христіанъ прочь отъ церкви отгоняли саблями и ослопы, все ослѣплены быша. И потомъ видячи армена, что Господь яви св. огонь и они, покрываючи позоръ свой,

роздавали деньги мѣшками иноплеменнымъ, чтобъ никто въ поносъ не сказывалъ, что св. огонь явился, яко жъ іудеи хотѣли дарми утаити воскресеніе Христово. Тѣмъ же державный и боговѣнчанный царю, никто же возможе рассказать вся истину, яко жъ они свидѣтельствуютъ, которые были на поклоненіе и тѣ все сказываются христіане и мы возрадовались. И арменья, помнячи таковой межъ собою срамъ, учили сердитовати, и не имѣли что иное сдѣлать, только мздою надъ нами злополучаютъ, и учили искушати всю анатолійскую страну и по всему Черному морю церкви христіанскія позатворили и поколебали, и бѣдъ и пакостей неизреченно чинили всемъ православнымъ христіаномъ, что весь свѣтъ вострепеталъ отъ ихъ дѣлъ. За тѣмъ рассказываетъ, что армяне явились въ Адрианоуполь къ султану со многими дарами, чтобы отнять у грековъ св. Гробъ, но султанъ, объ о всемъ распросивъ, отказалъ армянамъ, а велѣлъ по прежнему владѣть православнымъ, „и отдали намъ ключи и всю власть“. Но армяне не успокоились. Прибывъ вмѣстѣ съ султаномъ въ Константинополь, заручились здѣсь благоволеніемъ Абаза паши, „собрались на царскій дворъ и воскликнули велимъ гласомъ, а хотятъ прежней судъ пересудити.“ Султанъ потребовалъ патріарховъ царградскаго и іерусалимскаго „и снова судъ былъ и распросъ царской былъ.“ Султанъ повелѣлъ „казнити двухъ поповъ арменскихъ и они отошли съ срамотою и со страхомъ,“ а греки получили султанскія грамоты на владѣніе. „И намъ, замѣчаетъ Теофанъ, протори великіе сталися и одолжали есмя великимъ долгомъ для ради православной вѣры“¹.

Отправивши свою грамоту къ государю, писанную 1-го Ноября 1634 года, съ царскими послами, Теофанъ

¹ Греч. д. 7142 г. № 6.

почти сейчас же посылаетъ государю вторую грамоту отъ 25 Ноября того же 1634 года съ грекомъ Иваномъ Петровымъ, сдѣлавшимся тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ. Въ этой грамотѣ Теофанъ прежде всего сообщаетъ государю разныя политическія вѣсти. „Буди вѣдомо многолѣтній царю, пишетъ онъ, что дѣлалось въ здѣшной странѣ о литовскомъ царствѣ походѣ: пошолъ царь салтанъ Муратъ въ Ядринской городъ и тамъ собралъ и изготовилъ войско, и съ войсками послалъ Муратъ пашу, и приказалъ ему быти надъ войскомъ первымъ челоукомъ. И переѣхалъ Дунай на волоской рубежъ, былъ готовъ на поляковъ, только ждалъ вѣсти отъ царствія твоего по вашему слову, что есте имѣли между собою. И ему пришла вѣсть, что есте помирились съ Литвою, и онъ тому не повѣря и хотя провѣдать подлинно, посылалъ отъ себя въ Литву Шаис-пашу за посла мѣсто, и тамъ ему сказали, что есте помирились. И они тожь у царя просили, чтобъ турецкой царь съ ними помирился и велѣлъ войску воротиться въ Царьградъ. И въ тожь время пріѣхали послы царствія вашего, Иванъ Гавриловичъ да Сергѣй Матвѣевичъ, и съ пріѣзду царь велѣлъ принять добрѣ честно. А какъ послѣ провѣдали подлинно, что есте помирились съ Литвою, и царь то поставилъ въ великую кручину, что есте не поддержали на словѣ, что вы, великіе государи, имѣли, и такъ произволилъ пословъ царствія вашего изъ Царягорода отпустить на кораблѣ векорѣ Ноября 1-го; 5 число и выѣхали послы царствія вашего, постоявъ на губѣ за погодую. И послѣ пришла вѣсть съ Кафы, будто ходили многія казаки и билися и хотѣли Азовъ взять. И слыша то царь раскручинился гораздо и для того будутъ имѣти послы царствія вашего боязнь, покамѣстъ проѣдутъ Азовъ. А здѣ безпрестанно царь

готовилъ войско на персидскаго на весну, а того по-длинно не вѣдаемъ: самъ ли пойдетъ или нѣтъ. А съ Литвою турецкой царь помирился, только того не вѣдомо, на сколько лѣтъ. А здѣсь царь владѣеть, и страхъ великій объявляетъ и лихіе люди не имѣютъ силы и не смѣютъ дѣлать никакого зла и во всемъ Царегородѣ смирно. Самъ царь, перемѣняя свое платье, ходитъ по всему Царюгороду и досматриваетъ и мучитъ лихихъ супротивниковъ.“ Сообщивъ политическія вѣсти Теофанъ переходитъ къ разсказу о своей борьбѣ съ армянами изъ за св. мѣсть, причемъ почти буквально повторяетъ все то, что уже ранѣе онъ писалъ государю въ грамотѣ, присланной съ царскими послами. Свой разсказъ Теофанъ заканчиваетъ заявленіемъ, что борьба съ армянами „стала намъ больша пятидесять тысячъ ефимковъ, и отъ того мы, нищіе, не имѣли гдѣ голову приклонити, только успѣшила милостина великаго твоего царствія, и тѣмъ еси искупилися и обрѣли освобоженіе, яко еси нищіе и бѣдные и безпомощные, и молимъ Господа Бога день и ночь о многолѣтномъ здравіи державнаго твоего царствія.“ Затѣмъ говоритъ, что когда узнали о смерти Филарета Никитича, „о томъ вельми оскорбилися всѣ малые и великіе христіане, потому что едино солнце свѣтлое отъ роду христіанскаго и столпъ милостивый зайде.“ Въ заключеніе патріархъ проситъ государя: „да пожалуешь произволишь бояромъ и княземъ царствія твоего, чтобъ воздали милостыню къ Гробу Господню всякой по силѣ для ради любви и вѣры Христовой, чтобъ намъ оплатитися отъ того великаго долгу и да возрадуютца православные христіане.“ Теофану послано было съ грекомъ Иваномъ Петровымъ соболями на 150 р. ¹

¹ Греч. д. 7143 г. № 7.

Въ 1636 году въ Москву прибыли посланные іерусалимскаго патріарха игумень Паисій, будущій патріархъ, и грекъ Иванъ Петровъ. Съ игуменомъ Паисіемъ отъ 1 Декабря 1635 года Теофанъ писалъ царю, благодаря его за присланную съ грекомъ Иваномъ Петровымъ милостыню, „чтобы государь не оставлялъ его своею милостію и впредь“, „а бѣды наши іерусалимскіе не какъ цареградскіе (константинопольскому патріарху было послано съ грекомъ Иваномъ Петровымъ соболей на 250 р., а Теофану только на 150 р., на какую разницу въ посылкѣ милостыни онъ теперь и намекаетъ), что имѣли отъ еретиковъ армянъ и отъ латынъ, мы ихъ ничѣмъ незамаемъ, только они насъ избегаютъ денежною силою и хотятъ отнять Св. Гробъ. И о томъ обо всемъ писали еси къ тебѣ государю съ твоими государевы послы и съ нашимъ архимандритомъ Кирилломъ, что се учинилась у насъ съ латынями и съ арменами и пострадали отъ нихъ, и благодатією Божіею одолѣли мы ихъ, только намъ долгу получилось, и того ради посылали еси нашего архимандрита Кирилла къ царствію твоему, имѣючи надежду получить великую помощь отъ обиды еретиковъ. Они похваляются своими, а мы похваляемся царствіемъ твоимъ. И какъ былъ нашъ архимандритъ у твоего царскаго величества, и было не время и милостыни ему не сотворили (?) и къ намъ не прислали своего царскаго жалованья ¹, а архимандритъ еще и по ся мѣсто небываль и имѣемъ великую кручину... А нынѣ опять посылаемъ священноинока игумена Паисія“, чтобъ имѣть силу противиться

¹ Это заявленіе Теофана, что съ архимандритомъ Кирилломъ «милостыни ему не прислали... и царскаго жалованья» является нѣсколько страннымъ, такъ какъ съ Кирилломъ было послано къ Теофану на 1150 р., т. е. на наши деньги болѣе 16,000 р.

еретикамъ церкви Христовой. Съ грекомъ Иванъ Петровымъ Теофанъ писалъ государю, „что которое жалованье — четыре сорока соболей на 150 р., послано было къ нему съ тѣмъ гречениномъ Иванъ Петровымъ, и то до него дошло, и чтобъ государю пожаловати его и впредь къ нему послати своего жалованья милостыни, какъ ему Богъ извѣститъ. Да къ нему же бы прислати къ Гробу Господню на поминокъ 1200 ефимковъ, что заняли въ Царѣгородѣ государевы послы Яковъ Дашковъ да дьякъ Матвѣй Сомовъ у греченина у Осипа Зиновьева, и тѣ ефимки ему не заплачены и онъ себя самъ для того съ кручины убилъ и по немъ бы то прислати на поминъ“. По произведенному розыску оказалось, что греку Осипу дѣйствительно недоплачено до 600 р., каковыя немедленно и были посланы Теофану, вмѣстѣ съ царскою грамотою и милостынею при ней соболями на 150 р. ¹.

Отъ 15 Іюня 1636 года Теофанъ писалъ государю: „буди вѣдомо тихомирный царю, что честную и святую вашу грамоту приняли съ радостію и съ веселіемъ отъ нашего игумена господина Паисія и отъ Ивана Петрова. Да онижъ привезли мнѣ восемь сороковъ соболей Іосифа Зиновьева, а у меня того Осипа живетъ здѣсь племянникъ его. А игумень Паисій да Иванъ Петровъ поѣхали въ Царьгородъ покупать товару, что есте приказали имъ, а какъ возвратятся оттолѣ, а мы ихъ пошлемъ, какъ къ намъ писано отъ царствія вашего, и тогда отпишемъ обо всемъ“ ².

3 Ноября 1636 года пріѣхалъ въ Путивль игумень Паисій и объявилъ, что онъ посланъ въ Москву къ государю отъ іерусалимскаго патріарха Теофана нарочно „съ листы и съ дары“ о царскомъ дѣлѣ противъ

¹ Греч. д. 7144 г. № 9. — ² Греч. д. 7144 г. № 19.

прежнихъ государевыхъ грамотъ, каковы были посланы ему съ Москвы. 3 Декабря онъ прибылъ въ Москву и подвергся здѣсь обычному допросу въ Посольскомъ приказѣ относительно разныхъ вѣстей. Въ грамотѣ государю, привезенной Паисіемъ, Теофанъ проситъ и ходатайствуетъ за нѣкоторыхъ бѣдныхъ гречанъ, разоренныхъ турками. Прислалъ Теофанъ особую грамоту и патриарху Юасафу, въ которой онъ описываетъ положеніе дѣлъ въ Іерусалимѣ. „Наша Іерусалимская церковь, пишетъ Теофанъ, всегда отъ еретиковъ арменъ и отъ иныхъ всякихъ народовъ имѣетъ обиды для ради поклоняемаго и святаго мѣста, ибо ветхій и новый завѣтъ отуда испелъ во всю вселенную и Христова всякая тайна тамъ есть, и сего ради всѣ народы пріѣзжаютъ туда для поклоненія и всѣ любятъ тѣ мѣста. Только недруги благочестивыхъ христіанъ ненавидятъ, и денежною силою, при нынѣшнихъ агарянехъ туркахъ, добиваются того мѣста изъ нашихъ рукъ и всѣми святыми поклонными мѣстами они хотятъ завладѣть. И всегда многожды терпѣли есмы отъ еретиковъ, и про то наше терпѣніе царю вѣдомо, что есмы прежь сего писали къ державному и ко благочестивому государю и великому князю царю Михаилу Теодоровичу всея Русіи, и про ту нашу тѣсноту всегда и святительству твоему вѣдомо, и силы и помощи просили отъ великаго и превисочайшаго государя царя, чтобъ надъ еретиками и недруги нашея благочестивые и православные христіанскіе вѣры имѣть верхъ, и былобъ чѣмъ даже еретиковъ утолить, чтобъ православный родъ въ срамоту и позоръ и бѣдствіе не ввести. И сего ради докупаемъ и приобѣгаемъ къ страннолюбивымъ и православнымъ христіаномъ помощи ради, чтобъ намъ возможно было беречь то святое и честное мѣсто отъ со-

противныхъ, и посылали есмя нашего архимандрита Кирилла съ братьею къ превисочайшему и великому государю царю и великому князю Михаилу Теодоровичу всея Русіи для помощи, что имѣли нужду велию и споры съ еретиками. Дай Господи чтобъ Государь царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ вся Русіи здравъ былъ на многія лѣта и милостина его неотстала отъ насъ всегда! А въ тѣ поры еще была надобна такова великаго государя царя помощь для святаго и живодавнаго Гроба и для святаго Виелеема, гдѣ родился владыка Христось для спасенія міра. А мы всегда во имя царствія его похваляемся и утверждаемся и на недруговъ еретиковъ возмогаемся и побѣждаемъ ихъ. И нынѣ паки посылаемъ игумена киръ Паисія съ келаремъ киръ Даніиломъ, роду московскаго, понеже бо они пріѣзжаютъ службою царскою, какъ имъ было приказано пріѣхати. И сего ради молимся пресвятительству твоему, да попечалуешься боговѣнчанному, самодержавному царю, яко да сотворитъ помощь ко святому и живодавному Гробу отъ безчисленнаго долгу, что имѣемъ до днесъ“. Указомъ государя отъ 7 января (1637 г.) велѣно послать Теофану за присланные имъ подарки (четыре обьяри по серебряной землѣ) четыре сорока соболей на 150 р. и 11 Января игумень Паисій былъ отпущенъ изъ Москвы ¹.

15 Декабря 1637 года въ Москву прибыли греки Романъ Савельевъ и Исаія Николаевъ, и привезли съ собою грамоту къ государю отъ патриарха Теофана, который писалъ: „пишемъ и обьявляемъ, что дѣтца въ Цареградѣ и о томъ у насъ бываетъ великій страхъ, о томъ бо есть и вамъ вѣдомо, только наша великая любовь и для благочестія твоего и для милостыни, что

¹ 7145 г. № 5.

имѣете къ намъ, понуждаетъ насъ писати и объявляти. Буди вѣдомо, что прежній крымской царь какъ поднялся съ великимъ войскомъ на Кантемира, а сказываютъ, что было съ нимъ 180 тысячъ ратныхъ людей, и въ то время былъ у нихъ бой и Кантемиръ побѣждалъ съ дѣтьми въ Царьгородъ, а братъ его и сродичи поклонились крымскому царю, и въ Кантемирово мѣсто посадилъ крымскій царь своего брата и отшелъ отголѣ прочь. И не во многіе дни убилъ Кантемировъ братъ крымскаго царя брата и дву его сродичей, и въ тѣ поры у крымскаго царя силы не стало, потому что были въ разбѣдѣ. А турской царь какъ услышалъ, что поднялся съ такою великою силою и еще слухъ былъ, будтося съ нимъ 10,000 казаковъ, и оттого добрѣ утрапился, чтобы не переѣхали чрезъ Дунай до Едринна города, и собралъ великое войско и послалъ ихъ Едринскому городу на береженье, и въ тѣ поры вскорѣ послалъ инога царя съ каторгами въ Крымъ. И какъ Кантемиръ пріѣхалъ въ Царьгородъ къ царю и царь де его сперва пожаловалъ; и послѣ того, мѣсяць спустя, опалился на него и казнилъ сына его, а самага посадилъ въ тюрьму. И прежней крымской царь видя, что брата его казнилъ Кантемировъ братъ, а въ его мѣсто пришелъ иной царь, пошелъ и самъ въ Царьгородъ, надѣясь пощады у царя. И въ тѣ поры какъ пріѣхалъ въ Царьгородъ, призвалъ его царь и спрошалъ, а спрося его велѣлъ удавить Юня въ 26 день. И въ тѣ дни пришли вѣсти, что донскіе казаки Азовъ взяли, и о томъ турской царь добрѣ поскорбѣлъ и раскручинился; и въ тѣ поры говорилъ турской царь, что будто твоимъ царскимъ повелѣніемъ казаки Азовъ взяли, и велѣлъ крымскому царю идти воевати твою царскую землю. И для сего извѣщаемъ и пишемъ, а которой

вамъ привезетъ сію грамоту, и тотъ вамъ будетъ сказывати изустъ все сполна.“ (Грамата писана 1 Юля 1637 года и въ Москву попала, значить, довольно поздно).

10 Августа 1638 года прибылъ въ Москву грекъ Дмитрій Филипповъ и привезъ грамоту Теофана къ государю, писанную еще 29 Сентября 1637 года. Въ ней Теофанъ пишетъ: „писали есмы прежь сего о здѣшнихъ вѣстяхъ и нынѣче пишемъ съ нѣкоторыми хрестіянны съ господиномъ Порфирьемъ Оеонасьевымъ, да съ господиномъ Дмитриемъ Филипповымъ, которые пріѣдутъ къ царствію твоему, и тѣ есть люди наши добрые и они будутъ сказать обо всемъ наизустъ о здѣшномъ царствѣ вѣстей: что турской царь хотѣлъ ѣхать Кизылбашскую землю воевать, — такъ славитца здѣсь, а подлинно невѣдомо, только велѣли татарамъ итти воевать Украину царствія твоего, и Украину бѣ царствія твоего оберегалъ великимъ береженьемъ. А которые намъ быти невозможно писати къ царствію твоему, и тѣ вѣсти будутъ сказати тѣ хрестіане царствію твоему наизустъ, и еще что они вѣдаютъ, а послѣ того что здѣсь объявитца въ царствѣ нашемъ, и мы будемъ про то писати къ царствію твоему.“ Затѣмъ Теофанъ переходитъ къ разсказу о своихъ іерусалимскихъ дѣлахъ. „А что имѣли мы не дружбу, пишетъ онъ, съ еретиками съ арменами о святыхъ мѣстехъ для святаго Гроба Господня и для святаго Виелеема, слышалъ царствіе твое прежь сего.“ Когда онъ находился по дѣламъ Св. Гроба въ Молдовлахіи, „нѣмцы посулили Байрамъ пашѣ и инымъ начальникомъ тайно сто тысячъ ефимковъ и турской царь, невѣдаючи ихъ неправды, далъ имъ наказъ, чтобъ имъ отнять у насъ ево жалованную грамоту, которая была намъ дана. И какъ мы услышали

про то, и мы ждали времени, какъ царю выходъ будетъ, и былъ царю выходъ въ Воздвиженъе день, и я послалъ къ нему бити челомъ пять старцевъ съ челобитною, и ту нашу челобитную смотрѣлъ турской царь самъ и послалъ тотчасъ кашычейскаго голову къ каймакану къ Магметъ пашѣ, чтобъ онъ пришелъ къ царю тотчасъ. И въ тѣ поры турской царь насъ пожаловалъ, велѣлъ по прежнему дати свою жалованную грамоту и ту грамоту написавъ велѣлъ положить предъ себя, и ту грамоту намъ отдалъ и послалъ своего человекъ съ моими старцы въ Иерусалимъ и отняли у тѣхъ еретиковъ все, что было отняли они у насъ. Такъ пребываемъ мы здѣсь, всегда недружбу имѣемъ съ еретиками въ Иерусалимѣ, и всегда убытки и долги отъ насъ отставаютъ, только нынѣ намъ немного убытковъ стало, потому что турскому царю ничего не дали.“

Отъ 10 Августа 1638 года Теофанъ пишетъ государю: „пишемъ и извѣщаемъ благочестивѣйшій царь и великій князь Михаилъ Теодоровичъ всея Руссїи о томъ, что писалъ есмь, какъ турской царь на самый свой праздникъ, Февраля въ 7 день, велѣлъ удавить брата своего, а нынѣ пишемъ, что прежде того, какъ пошолъ турской царь въ Кизылбаши, Марта въ 1 день, и послѣ себя велѣлъ задавить дву братьевъ своихъ, чтобъ ихъ не посадили на его мѣсто. А сказываютъ, что еще у него остался меньшей братъ,—а своихъ дѣтей у него небыло, одинъ сынъ и тотъ умеръ“¹.

Съ грекомъ Иваномъ Петровымъ Теофанъ писалъ государю отъ 20 Сентября 1638 года, извѣщая его о насильственной смерти константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса. Онъ такъ описываетъ смерть знаменитаго константинопольскаго первосвятителя: „ста-

раго патріарха Кирилла поклепали и огласили визирю Байрамъ пашѣ, будто онъ измѣнникъ. И тотъ визирь, Байрамъ паша, будучи совѣтникъ веррійскому митрополиту Кириллу (извѣстному врагу Лукариса и претенденту на константинопольскій патріаршій престоль) донесъ турскому царю и турской царь далъ имъ наказную грамоту къ каймакану. И какъ они ту наказную грамоту принесли во Царьгородъ и взяли потомъ патріарха стараго и засадили его на бѣломорской башнѣ. И послѣ того не во многіе дни предали его смерти и вкинули его въ морѣ, а море его на берегъ выкинуло. И нѣкіе православные христіане, сыскавъ тѣло его, похоронили, а бывшаго веррійскаго митрополита Кирилла совѣтники его насильствомъ на патріаршество посадили. А мы были въ тѣ поры въ Брусѣ городѣ для дѣла святаго живодавцева гроба, а александрийскій патріархъ Митрофанъ былъ въ тѣ поры здѣсь, и онъ, видя такую его напрасную смерть, тому удивился. И тотъ бывший веррійскій митрополитъ прислалъ по насъ, чтобъ намъ съ нимъ вмѣстѣ служить, и мы не хотѣли съ нимъ служить, и онъ учалъ на насъ грозиться нечестивыми агаряны.“ Затѣмъ Теофанъ переходитъ къ сообщенію разныхъ политическихъ вѣстей. „И въ тѣ дни векорѣ пришли вѣсти, пишетъ онъ, что Байрамъ паши не стало, а о томъ намъ невѣдомо своею ли смертію или отъ царя умеръ. А царь салтанъ Муратъ нынѣ воюетъ предъ Богдатомъ, а сказываютъ, будто онъ возметъ Богдаты, а подлинно невѣдомо для того, что нынѣ зачинаетца война вначалѣ. И еще буди вѣдомо царствію твоему, что веницѣйскаго агента въ великомъ береженъе держать для того, что ходили 18 каторгъ барбарейскихъ подъ веницѣйскую землю и разорили многія села, а побрали живьемъ полону 6 тысячъ

¹ 7146 г. № 5 и 9.

и больши; и какъ провѣдали веницѣйскіе каторги малые и большіе, и они за ними гонялись до города Авлона, и отбили у нихъ подѣ Авлономъ городомъ полонъ свой и каторги у нихъ взяли. А изъ города по нихъ изъ наряду стрѣляли и веницѣйскіе люди напротивъ по городу стрѣляли и городовую стѣну попортили и прочь отѣхали. И послѣ, ихъ люди барбарѣйскіе, пріѣхавъ въ Царьгородъ, и били челомъ на веницѣйскихъ нѣмецъ и по ихъ челобитью писали къ царю. И какъ услышалъ Турской царь зѣло раскручинился о томъ, что они по городу стрѣляли и городовую стѣну порозбили, а каторги побрали, потому что они имѣли между собою записи отъ прежнихъ царей въ томъ, буде поймаютъ барбарейскихъ людей за рубежемъ, и имъ было вольно ихъ казнить и въ полонъ имати, такожь и барбарейскимъ людямъ надѣ вѣницѣйскими. А о томъ намъ подлинно провѣдати не возможно, какъ турской царь самъ пріѣдетъ и о которыхъ намъ вѣстяхъ писать невозможно, и о тѣхъ будетъ рассказывать наизусть Иванъ Петровъ.—И аще произволить вѣдати царствіе твое о св. гробѣ и о Виолиемѣ—и Виолиомомъ турской царь всемъ насъ пожаловалъ“¹.

Отъ 4 Апрѣля 1641 года Теофанъ писалъ государю съ грекомъ Оомою Ивановымъ: „азъ еще пребываю въ Царѣградѣ для нѣкихъ дѣлъ, что имѣемъ для святаго живодавцова Гроба, и объявился намъ отъ васъ честный господинъ Оома и сказалъ намъ о многолѣтномъ здравіи великаго вашего царствія, и мы возрадовались еси зѣло. И посемъ сказалъ еси, что онъ хочетъ ѣхать къ вашему царствію о многихъ нуждахъ и дѣлахъ объявити великаму вашему царствію, и напи-

¹ 7147 г. № 7.

сали еси сію грамату, а о множествѣ писати неможно, а расскажетъ онъ изустно, что онъ видѣлъ, и мы ему наказывали о всемъ. Еще нѣкій архимандритъ Амфилохій, что имѣлъ я его прежде сего у св. Гроба и онъ, отъ меня сбѣжавъ, присталъ къ прежнему патріарху Кириллу (Лукарису) и посылалъ его двжды къ вашему царствію, а нынѣ онъ ни у цареградскаго патріарха, ни со мною у св. Гроба. Еще онъ пишетъ и посылаетъ къ вамъ Государю грамоты отъ насъ обѣихъ патріарховъ съ ложью многою, и емубъ не вѣрити, а сказываютъ, что еще отъ него пострадалъ Иванъ Петровъ и иные многіе и онъ есть недобрый челоуѣкъ.— Да оберегайте и призирайте ваши дальныя украинныя мѣста, многіе измѣнники идутъ до вашей украины до самага Терека, а вы оберегайтеся неоплошно и нынѣ о семъ пишу“¹.

13 Ноября 1643 года прибылъ въ Москву бить челомъ государю о милостынѣ архимандритъ іерусалимскаго патріарха Теофана Анѣимъ съ патріаршимъ племянникомъ архидьякономъ Неофитомъ и съ старцами. Въ присланной съ архимандритомъ граматѣ, Теофанъ

¹ 7149 г. № 12. Оговоръ Теофаномъ архимандрита Амфилохія основанъ на какомъ-то недоразумѣніи. Амфилохій былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ и преданныхъ нашихъ тайныхъ политическихъ агентовъ въ Константинополь. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ знаменитаго константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса въ его сношеніяхъ и съ Москвою и съ нашими послами въ Турціи, не разъ пріѣзжалъ въ Москву въ качествѣ довѣреннаго лица отъ Лукариса съ тайными отъ него наказами къ нашему правительству, онъ присылалъ и отъ себя въ Москву очень обстоятельныя извѣстія о положеніи дѣлъ въ Турціи, почему онъ пользовался особымъ вниманіемъ и расположеніемъ московскаго правительства, которое правильно посылало ему въ Константинополь извѣстныя суммы, въ награду за его усердную службу. Вполнѣ естественно было, что въ Москвѣ не повѣрили оговору Теофана, такъ что и послѣ этого Амфилохій по прежнему пользовался полнымъ довѣріемъ нашего правительства, на службѣ котораго онъ и оставался до самой своей смерти, послѣдовавшей уже въ 1653 году.

писалъ государю: „что они отъ народовъ, ихъ держащихъ, пребываютъ повседневно въ дачахъ, а только имъ не учнутъ давать, и они имъ не дадутъ святыхъ и божественныхъ мѣстъ держати. И отъ еретиковъ они многіе бѣды приняли, и протори имъ учинилися многіе, и писали де они къ нему государю, бити челомъ посылали людей своихъ—архимандрита Кирилла тому лѣтъ съ десять, и тогда де имъ ничево недано (?), и окупилъ де ихъ молдавскіе земли князь Василей, прислалъ къ нимъ 45,000 ефимковъ. Да еще они и окупиліся, токмо св. мѣстамъ надобна милостина и помощь отъ великіе державы царскаго величества. Сего ради посылаетъ онъ своего архимандрита Анѳима съ иными, и молить и просить у государя, чтобъ его царскому величеству ихъ воспріяти и возрить милосердно для любви и святаго живодавцова Гроба Господня, подати ему милостину, какъ ему государю Богъ извѣститъ. И еще имѣютъ они о святомъ Виелеомѣ долгу 20,000 ефимковъ, а старое строеніе отъ древнихъ лѣтъ, — стѣны попортились и кровли ихъ погнили, а чтобъ имъ отъ царскаго величества помощь и обновленіе видѣти, и вѣчное воспоминаніе будетъ царствію его. И чтобъ государь позволилъ архимандриту его со иными попросить помощи у бояръ и у князей и у архіереевъ и у архимандритовъ и у прочихъ въ міру пребывающихъ въ державѣ царскаго величества“. Въ другой граматѣ Теофанъ писалъ царицѣ Евдокіѣ Лукьяновнѣ, которую онъ также молить о помощи и милостынѣ св. Гробу. Кромѣ того съ архимандритомъ Анѳимомъ, Теофанъ прислалъ святыни государю: мощи великомученика Пантелеймона, ладонь чернѣй іерусалимскій, 4 свѣчи да 3 мѣры Гроба Господня, воду освященную іорданскую, персть отъ Виелема и отъ иныхъ

святыхъ мѣстъ спущено со святою водою іорданскою, мыла іерусалимскаго 20 печатей; государынѣ онъ прислалъ: часть мощей св. великомученика Кирика, ладанъ іерусалимскій и пр.

Архимандритъ Анѳимъ обычно представлялся государю и получилъ обычную для архимандритовъ милостыню: камку смирную добрую, сорокъ соболей въ 30 р. и денегъ 30 р., а племянникъ Теофана архидьяконъ Неофитъ: камку смирную добрую, сорокъ соболей въ 20 р. и денегъ 15 р. Послѣ представленія Анѳимъ билъ челомъ государю отъ имени Теофана и своего, чтобъ государь пожаловалъ велѣлъ написать въ Іерусалимъ ко Гробу Господню десять образовъ мѣстныхъ большихъ и тѣ иконы обложить серебромъ, да патріарху сдѣлать святительскую шапку, ибо прежняя его шапка сгорѣла въ Царьградѣ во время пожара. По государеву указу десять образовъ мѣстныхъ большихъ, по размѣру указанному Анѳимомъ, написано и серебромъ обложены изъ его государевой казны басменные съ окладомъ, а вѣнцы у образовъ чеканные и рѣзные. Образа же написаны: Спаса на престолѣ—длина доскѣ 2 аршина 5 вершковъ, ширина 2 аршина безъ 3 вершковъ; Пречистые Богородицы Одигитріи—одной мѣры съ предыдущимъ; Воскреселія Христова—длина доски 2 аршина пол-6 вершковъ, ширина одинъ аршинъ 5 вершковъ; Архангела Михаила мѣрою какъ и Воскресенія; царя Константина и матери его Елены—длина 2 аршина пол-6 вершковъ, ширина одинъ аршинъ 6 вершковъ; св. апостола Іакова, брата Господня—одной мѣры съ предыдущимъ. Мѣстные образа къ царскимъ дверямъ по обѣ ихъ стороны: Спаса Вседержителя на престолѣ во архіерейской одеждѣ; Пречистыя Богородицы Страстныя со архангелы; Іоанна Пред-

течи; царя Константина и матери его Елены, — всѣ эти иконы одной мѣры — по 2 аршина безъ полу-2 вершка длины и по 1 аршину 4 вершка ширины. На всѣ иконы изъ государственной казны было затрачено всего 637 р. 28 алтынъ 3 деньги. Кромѣ того патриарху сдѣлана была святительская шапка: дробницы всѣ золотые съ чернью и финифтью и съ камнями — съ яхонты, съ лалы и съ изумруды, и жемчугомъ обнизана. Цѣна той святительской шапки и съ влагалищемъ 880 руб. 29 алтынъ¹. Въ новой челобитной государю Анѳимъ

¹ «На окладъ на тѣ иконы пошло ефимочнаго серебра, которое взято изъ сибирскаго приказа пудъ 8 гривенокъ и 25 золотниковъ, цѣна по 7 рублевъ фунтъ, и того 337 рублевъ 27 алтынъ 3 деньги. Да на тотъ же окладъ пошло листового золота 7300 листовъ, цѣна по 9 рублевъ, по 24 алтына, по 2 деньги тысяча, и того 71 р. 6 денегъ. Да на вѣнцы и на подписи взято изъ казны 44 золотыхъ, по рублю золотой, и того 44 рубли. Да серебрянымъ мастерамъ отъ того иконнаго оклада отъ дѣла дано 65 рублевъ. Всего на иконной окладъ изшло 517 рублевъ, 28 алтынъ, 3 деньги, опричь того, что дано отъ письма иконописцамъ, а съ тѣмъ 637 рублевъ, 28 алтынъ, 3 деньги».

Сдѣлана святительская шапка. «Въ тое шапку золота пошло и съ угаромъ 2 фунта, 82 золотника съ ползолотникомъ, цѣна по 40 алтынъ золотой. Да въ тоежь шапку поставлено камня, а взято изъ мастерскіе палаты: 2 яхонта лазоревыхъ сережныхъ, цѣна 70 рублевъ, и тѣ яхонты растерты на два и сдѣлано четыре яхонта и огранены, да четыре яхонта лазоревыхъ въ гнѣздахъ золотыхъ, цѣна по 8 рублевъ яхонтъ; да изъ приказа золотого дѣла взято: яхонтъ червчатой въ гнѣздѣ золотомъ, цѣна 6 рублевъ камень; 4 изумруда вставочныхъ, по 12 рублевъ изумрудъ; 3 изумруда сережныхъ, по 10 рублевъ изумрудъ, да изумрудъ же сережнй 18 рублевъ; 5 яхонтовъ червчатыхъ по 20 алтынъ яхонтъ; 20 искорокъ изумрудныхъ, цѣна 5 алтынъ по 2 деньги искорка; 8 яхонтиковъ червчатыхъ, по полтинѣ камешокъ. Да въ тое-жь шапку поставлено на дробницы палки 44 зерна бурминскихъ, по рублю зерно; да на обнизку около дробницъ пошло жемчугу 51 золотникъ съ четью, цѣна по 4 рубли золотникъ. Въ тоежь шапку пошло аршинъ атласу, цѣна 30 алтынъ, поларшина камки вишневои, цѣна 15 алтынъ; 2 аршина тафты лазоревой на рубль на 13 алтынъ 2 деньги; поларшина сукна темновинневаго на одинъ рубль, 6 алтынъ, 4 деньги; 2 аршина киндяку лазореваго на 6 алтынъ 4 деньги; 8 горностаевъ по 2 алтына съ деньгою горностаи; да на оболочку влагалища пошло 2 сафьяна зеленыхъ, цѣна рубль, 6 алтынъ, 4 деньги; да полтора золотника шолку бѣлаго и лазореваго на 10 денегъ; поларшина полотна бѣлаго на 6 денегъ; бумаги хлопчатой кругъ вѣща фунтъ — 3 алтына; да отъ влагалища и за дерево дано отъ

заявлялъ, „что писалъ къ нему, государю, надѣясь на его царскую неизрѣченную премногую милость, іерусалимскій патриархъ свою святительскую грамоту о милостынѣ, чтобъ ему будучи въ такомъ святомъ мѣстѣ — въ градѣ Іерусалимѣ отъ еретиковъ и отъ агарянъ было чѣмъ окупиться, и отъ того святаго мѣста не отженутися и вѣры христіанскіе не порушить. А прежь сего въ Іерусалимѣ градъ была его государская неизреченная милость — давано имъ на милостыню и отъ агарянъ на окупленіе“. Въ виду этого, согласно просительной грамотѣ и самаго Теофана, архимандритъ Анѳимъ и просить государя, чтобы онъ „о милостынѣ велѣлъ свой государевъ указъ учинить, какъ ему Богъ извѣститъ“. По указу государя архимандриту Анѳиму вручены были приготовленные для патриарха Теофана 10 иконъ, святительская шапка и пять сороковъ соборей на 200 рублей и затѣмъ повелѣвалось отпустить его изъ Москвы¹.

Въ Февралѣ 1645 года въ Москву явился, съ грамотою Теофана, грекъ Тома Ивановъ. Въ присланной грамотѣ Теофанъ рекомендуетъ государю грека Тому Иванова какъ вѣрнаго слугу и радѣтеля царскаго, пишетъ, „что приказали есмя тайно объявити изъ усть о подлинной истинѣ — о лукавомъ воинствѣ, что хотять воевать ко святому Господню стаду“, заявляетъ, что чего было невозможно ему „писати и объявити подлинно“, то онъ поручилъ устно передать посланному имъ Томѣ Иванову. Это была послѣдняя грамота въ Москву патриарха Теофана. Привезшій ея грекъ Тома

дѣла 36 алтынъ, 2 деньги. И всего той шапкѣ цѣна 880 рублевъ, 29 алтынъ». Шапка и иконы выданы были архимандриту Анѳиму изъ Посольскаго приказа съ роспискою (греч. д. 7152 г. № 3; 7202 г. № 20. Греческіе статейные списки № 12, листы незаномерованы).

¹) 7152 г. № 3.

Ивановъ заявилъ въ посольскомъ приказѣ, „что іерусалимскій патріархъ Теофанъ далъ ему къ великому государю грамоту Декабря въ 10 день, а приѣзжалъ іерусалимскій патріархъ во Царьградъ къ турецкому Ибрагимъ султану для обновленія грамотъ и грамоты у него обновилъ, а стало де ему за обновленіе 9000 ефимковъ. А какъ онъ, Тома, изъ Царяграда поѣхалъ, Декабря въ 11 день, и послѣ того пришла вѣсть изъ Царьграда въ молдавскую землю, что того іерусалимскаго патріарха Теофана въ Царѣградѣ не стало, а представился онъ Декабря въ 15 день, и о томъ де, чаю, писалъ ко государю александрійскій патріархъ (александрійскій патріархъ Никифоръ дѣйствительно извѣщалъ государя о смерти Теофана), а кому де быть во Іерусалимѣ патріархомъ на Теофаново мѣсто, про то де еще не вѣдомо. А приказъ-де отъ Іерусалимскаго патріарха Теофана былъ нынѣшнему цареградскому патріарху Пароенію, да молдавскому владѣтелю и воеводѣ Василію, чтобъ они послѣ его, Теофановой, смерти учинили соборъ, собравъ многихъ властей, и съ собору бо выбрали на его мѣсто въ патріархи духовнаго чину добраго пастыря“.

Скоро получены были въ Москвѣ извѣстія и отъ другихъ лицъ, подтвердившія сказанное о смерти Теофана грекомъ Томою Ивановымъ. Такъ тайный русскій политическій агентъ въ Константинополѣ, Халкидонскій митрополитъ Даніиль, извѣщалъ государя, что Теофанъ представился въ Константинополѣ 15 Декабря (1644 г.) „а въ 16 день погребли его въ халкиданской области въ Богородицкомъ монастырѣ, возлѣ Іеремія патріарха“. Іерусалимскій архидіаконъ Макарій, извѣщая государя о смерти Теофана, дѣлаетъ такое курьезное замѣчаніе: „иного еще не поставили, а надѣмся

поставить въ патріархи митрополита Симона¹, что приѣхалъ къ намъ отъ вашего царствія съ грамотою. Мы послали грамоты въ Іерусалимъ (изъ Константинополя) къ нему, буде онъ захочетъ быть патріархомъ, но къ намъ еще вѣстей отъ него не бывало“. Виолиемскій митрополитъ Аѳанасій, съ своей стороны, писалъ государю: „услыша молдавскій воевода господинъ Василій про смерть блаженнаго патріарха, повелѣлъ избрати изъ вотчинъ св. Гроба изъ монастырей строенья Петра воеводы и бурновскаго воеводы игуменовъ, а избравъ поставити властью и послати въ Іерусалимъ. А мы, добавляетъ Аѳанасій, на ево Васильево повелѣнне полагаемся“. Наконецъ приѣхавшій въ Москву грекъ Исаія Остафьевъ сообщилъ, что Василій воевода и иные избрали въ Іерусалимскіе патріархи архимандрита Паисія, который жилъ въ Яссахъ, въ вотчинахъ св. Гроба².

Теофанъ не только самъ часто обращался въ Москву съ просьбами о милостынѣ Св. Гробу, но нерѣдко ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ и за другихъ просителей милостыни, которые, зная о вліяніи и значеніи Теофана въ Москвѣ, старались заручиться его рекомендаціею, благодаря которой они встрѣчали въ Москвѣ радушный пріемъ и получали достаточную милостыню.

Особеннымъ расположеніемъ Теофана, исключая палестинскіе собственно монастыри, пользовалась прежде всего знаменитая Синайская обитель, которую онъ считалъ принадлежащею къ его патріархату и за которую онъ не разъ ходатайствовалъ предъ русскимъ правительствомъ.

¹ Сербскій скопійскій митрополитъ Симеонъ на всегда поселившійся въ Россіи, въ 1644 г. ѣздилъ изъ Москвы на поклоненіе св. мѣстамъ и послѣ былъ у насъ казанскимъ митрополитомъ. — ² 7153 г. № 21, 30, 36; 7154 г. № 6.

Въ первый разъ синаиты обращались въ Москву съ просьбою о милостынѣ еще въ 1519 году при великомъ князѣ Василиѣ Іоанновичѣ, который очень радушно принялъ прибывшихъ въ Москву двухъ синайскихъ старцевъ, посланныхъ игуменомъ Данииломъ, и послалъ съ ними въ монастырь милостыню: „шестьсотъ золотыхъ вещи, собольми и бѣлкою и зубомъ рыбьимъ и лисицами“. Во второй разъ синаиты пріѣзжали за милостынею при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ въ 1558 году съ рекомендательною грамотою александрійскаго патріарха Іоакима, знаменитаго своимъ долголѣтіемъ и святостію жизни. Тогда царь послалъ въ монастырь „рухляди на восемьсотъ золотыхъ угорскихъ“, да синайскому архіепископу „шубу соболью подъ бархатомъ“. Въ 1571 году царь послалъ архіепископу Евгенію на поминъ царицы Анастасіи 100 р., да на поминъ своего брата 50 р. съ особою грамотою, въ которой замѣчаетъ: „а послали есмь нынѣ къ тебѣ по нимъ милостыню несполна для нынѣшняго путнаго дальнего шествія... а еже дастъ Господь впередъ для вѣчнаго поминанія большую свою милостыню къ вамъ по нимъ пришлемъ“. Это обѣщаніе Грознаго исполнилъ уже сынъ его Θεодоръ, который послалъ на Синай милостыни 850 р., причемъ грамотою просилъ архіепископа Евгенія устроить двѣ неугасаемыя лампы, одну—у неопалимой купины, другую—надъ мощами великомученицы Екатерины, на что особо послалъ 54 рубля съ тѣмъ, „чтобъ тѣ кандила (лампды), покамѣста тѣхъ денегъ на масло станеть, горѣли день и ночь непрестанно за наше здравіе и нашей царицы и о чадородіи нашемъ въ наслѣдіе царствія нашего“. Въ то же время царь Θεодоръ далъ синаитами свою жалованную грамоту, по которой они безъ всякихъ препятствій и задержекъ могли всегда

пріѣзжать въ Москву за милостынею. Въ 1593 году, по случаю учрежденія въ Москвѣ патріаршества, когда на востокъ была послана большая милостыня, Синайская обитель получила 430 золотыхъ. Пріѣзжали синаиты въ Москву за милостынею и въ 1605 году, такъ что между Москвою и Синайскимъ монастыремъ установились вообще опредѣленные добрыя отношенія, которыя однако при Теофанѣ подверглись разъ опасности нарушиться.

Въ 1623 году въ Москву пріѣхалъ за милостынею такъ называемый въ тогдашнихъ приказныхъ дѣлахъ синайскій митрополитъ Іеремія съ просительною грамотою къ государю о милостынѣ отъ всей братіи Синайской горы и всего собора Палестины и съ рекомендательною грамотою патріарха Теофана. Послѣдній писалъ государю: „вѣдомо буди самодержавный царю, что родъ нашъ обладанъ бысть агарянскими языки, многую нужду терпитъ и труды для православной вѣры; и святые монастыри здѣсь имѣютъ и терпятъ великую нужду и харчи великія чинятъ. Да больши иныхъ всѣхъ монастырей терпитъ Синайская Богоявленская, и не имѣетъ нигдѣ главы приклонити и прибѣгнути и милости обрящити. Прибѣгаютъ къ тебѣ милостивому, къ милосердному царю, потому что вѣдаемъ царствіе твое и потому послали есмь сего преосвященнаго митрополита, *брата и сослужебника смиренія своего* господина Іеремія, что бывалъ прежь сего въ Радосѣ градѣ, *мужа вѣрна и любезна* святые горы Синайскіе, посланъ бысть отъ епископа боголюбиваго и отъ всего собора къ тебѣ государю для милостыни и помощи. О томъ молимъ къ тебѣ, государю, да примешь его“. Въ грамотѣ къ Филарету Никитичу Теофанъ также рекомендовалъ Іеремію и просилъ патріарха, чтобы онъ, съ своей стороны, хо-

датыйствоваль предъ государемъ о неоставленіи милостынею бѣдствующаго Синайскаго монастыря.

Благодаря рекомендаціи Θεοφана Іеремія былъ принятъ Филаретомъ Никитичемъ съ особенною честію и одаренъ имъ щедрѣе, чѣмъ другіе греческіе митрополиты, бывшіе тогда въ Москвѣ. Поощренный этимъ первымъ успѣхомъ, Іеремія, конечно въ видахъ получить еще большее, подалъ Филарету Никитичу любопытную челобитную, въ которой говорится слѣдующее: „молимъ Богу и весь порабощенный родъ греческой, чтобы намъ сподобилъ Богъ видѣть на вселенскомъ константинопольскомъ престолѣ царя царей, великаго государя царя и великаго князя Михаила Θεодоровича всея Русіи самодержца, да и мы обрящемъ покой и легкость“. Затѣмъ, благодаря патріарха за милостыню ему митрополиту, просить ему пожаловать еще три образа, „да отвезу ихъ къ тремъ патріархамъ: константинопольскому, александрійскому и іерусалимскому, занеже путное наше шествіе будетъ мимо ихъ, и имъ буду рассказывать, что тѣ иконы я на нихъ выпросилъ“. Далѣе Іеремія повѣствуетъ въ челобитной: „да въ мѣсяцѣ Октябрѣ въ сновидѣніи видѣлъ я смиренный грѣшникъ: явился мнѣ святой Сергій, какъ бы я съ нимъ былъ на горѣ Хоривѣ, идѣже видяше Ілія пророкъ Божіе видѣніе, и рекъ ми и указуя пещеру: тутъ де былъ Стефанъ чудотворецъ, занеже тутъ пустыничаль. И азъ грѣшный и недостойный невозмогъ есмь съ святителемъ поговорити, (здѣсь Іеремія сильно прошибся, онъ, очевидно, позаботился навести болѣе точныя справки о преп. Сергій и потому неудачно назвалъ его святителемъ), зряще величество его и страшное зрѣніе, только палъ на землю безгласенъ. По семъ молю много-много для любви Христовой и для любви

святителевой, отпустите меня, да облобызаю и поклонюсь святому сему Сергію, да ми проститъ согрѣшеніе мое, а большая мзда да будетъ на святительствѣ твоёмъ.“—Очевидно Іеремія былъ ловкій бывалый человекъ, смѣло пускавшій въ ходъ все средства для своей наживы. Испрашивая иконы для поднесенія восточнымъ патріархамъ, онъ основательно рассчитывалъ, что эти иконы должны быть, какъ царскій подарокъ, очень цѣнны, такъ что отъ продажи ихъ онъ можетъ выручить себѣ порядочную сумму. Его рассказъ о видѣніи ему преп. Сергія, былъ разчитанъ на то, что ради этого обстоятельства богатый Троицко-Сергіевъ монастырь, куда онъ отправлялся, окажетъ ему особую щедрость, такъ какъ самъ преп. Сергій явилъ къ нему небывалую, относительно грековъ, милость—удостоилъ его, еще на Синаѣ, своего видѣнія.

Все это такъ смѣло и повидимому удачно веденное Іереміею дѣло, совершенно неожиданно рушилось. На него послѣдовалъ доносъ со стороны сопровождавшихъ его синаитовъ, архидіакона Неофита и старца келаря Паисія, которые заявили, что Іеремія патріаршимъ соборомъ былъ лишенъ митрополитства и ему запрещено служить, что послѣ запрещенія онъ былъ въ Римѣ, служилъ съ папою, цѣловалъ его въ ногу и вообще отпалъ отъ православія, но потомъ вернулся изъ Рима въ синайскую обитель, которой онъ былъ постриженникомъ, и слезно просилъ архіепископа и братію снова принять его въ монастырь. Въ надеждѣ на его раскаяніе и исправленіе его приняли и потомъ послали въ Россію, придавъ къ нему ихъ, старцевъ, для наблюденія за нимъ. Дорогою они собирали милостыню, но Іеремія скрывалъ ея отъ нихъ и обращалъ въ свою пользу. Получивъ въ Москвѣ милостыню, онъ не хочетъ теперь возвращаться

въ монастырь и задумалъ убить ихъ въ литовской землѣ. Поэтому они просятъ отпустить ихъ изъ Москвы отдѣльно отъ митрополита и отобрать у него все, принадлежащее монастырю.

Донось долженъ былъ произвести сильное и удручающее впечатлѣніе на царя и патріарха. Митрополитъ, котораго патріархъ Теофанъ называлъ своимъ сослужебникомъ, мужемъ вѣрнымъ и любезнымъ, котораго, ради этой рекомендаціи Теофана, приняли въ Москвѣ съ особою честію, который, конечно за свою добродѣтельную и святую жизнь, удостоился будто бы видѣнія преп. Сергія, въ дѣйствительности оказывается лишеннымъ сана, папезникомъ, какимъ-то пройдохою. Кому же и чему послѣ этого вѣрить?... Пришлось произвести допросъ съ очными ставками, причемъ Іеремія заявилъ, что 19 лѣтъ тому назадъ онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Родось, но чрезъ три года добровольно удалился на Синай, не желая давать трехъ тысячъ золотыхъ константинопольскому патріарху Рафаилу, которые тотъ просилъ у него, „а если сыщется, что онъ отъ митрополитства отставленъ, то онъ уже не будетъ у государя и патріарха просить пощады“. Затѣмъ Іеремія показывалъ, что изъ Синая онъ ѣздилъ въ Индію, потому что португальская королева Екатерина оставила въ Индіи для Синайской горы, на поминъ своего мужа, 500 золотыхъ, которые онъ, вмѣстѣ съ другою собранною имъ милостынею, и привезъ въ Синайскій монастырь и затѣмъ былъ посланъ въ Испанію. Въ Римѣ онъ дѣйствительно былъ по слѣдующему случаю: даетъ испанскій король въ Синайскую гору по 500 золотыхъ, и такъ какъ тѣ золотыя онъ не присылалъ, то соборъ синайскихъ старцевъ послалъ его и еще четырехъ старцевъ съ нимъ въ Испанію за тѣми золотыми.

Въ Испанію они отправились чрезъ Римъ, и были у тогдашняго папы Павла V, но отъ греческой вѣры не отставали и съ папою онъ, какъ его ложно обвиняють, не служилъ, тѣмъ болѣе что папа со властями никогда не служитъ, а всегда одинъ. Папа писалъ къ королю испанскому о выдачѣ тѣхъ золотыхъ, да и самъ послалъ отъ себя въ Синайскую гору 500 золотыхъ, на что есть у него листы. Были затѣмъ они во французской землѣ, а французскій король посылаетъ въ Синайскую гору ежегодно 1000 золотыхъ,—эти присылки отъ французскаго короля начались уже лѣтъ съ двадцать. Всего за милостынею онъ ходилъ лѣтъ съ пять. Это совсѣмъ неожиданное и очень соблазнительное для русскихъ показаніе Іереміи о милостынѣ Синаю со стороны папы и католическихъ королей, оспаривалось бывшимъ тогда въ Москвѣ силистрійскимъ митрополитомъ и обвинителями синаитами, которые заявляли, что папа и короли испанскій и французскій въ греческую землю, ни въ какія мѣста, никогда ничего не присылали, что отъ всѣхъ греческихъ патріарховъ то заклято, чтобы не только отъ папы, но даже и отъ всякаго простаго человѣка папезскія вѣры милостыни ни одной денги не принимать и ни въ чемъ съ ними не сообщаться. Но Іеремія, въ доказательство справедливости своего показанія, представилъ листы: одинъ отъ папы римскаго въ Синайскую гору, другой—отъ англійскаго короля, третій—отъ испанскаго. Іеремію поспѣшили отправить въ Константинополь, „чтобы онъ тамъ очистился отъ всего предъ тамошнею властію... А въ Римъ къ папѣ и въ аглицкую и во французскую землю ему не ѣздить; а буде онъ въ тѣ невѣрныя государства поѣдетъ, и онъ будетъ проклятъ въ семь вѣцѣ и будущемъ“¹.

¹ 7131 г. № 5.

Какъ сильно смутило и огорчило царя и патріарха дѣло Іереміи видно изъ того, что Филаретъ Никитичъ рѣшился писать объ немъ особую грамоту самому вселенскому константинопольскому патріарху, съ подробнымъ изложеніемъ всего прискорбнаго дѣла. „Буди вѣдомо вашему святительству, пишетъ онъ въ грамотѣ: изъ давнихъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ греческую власть захватили измаильскіе внуки, обычай имѣють приходять къ благочестивымъ и христіанскимъ царямъ російскимъ, греческой области святѣйшіе патріархи, и митрополиты, и архіепископы и прочіе священныя иноки милостыни ради и искупленія св. мѣстъ, захваченныхъ турками, и до нынѣ приходятъ. Мы таковыхъ принимать привыкли, и дарами и милостынею не только ихъ обогащать, но и святымъ мѣстамъ потребное посылать, и тѣмъ плачущихъ и оскорбляемыхъ утѣшать и, такимъ образомъ, почтивши приходящихъ къ намъ, отпускали во свояси. Нынѣ же пришелъ къ намъ отъ святой горы Синайской митрополитъ Іеремія, объявляя, что прежде былъ родосскаго острова митрополитъ, милостыни ради, съ нимъ же вмѣстѣ и другіе пришли. Мы, по обычаю нашему, челоуколюбно приняли ихъ, ибо они принесли съ собою грамоты отъ блаженнаго Теофана патріарха іерусалимскаго, котораго, какъ говорятъ, встрѣтили въ Константиноградѣ. Потомъ, не знаю какой ради вины, Іеремія началъ враждовать съ пришедшими съ нимъ, называя ихъ чуждыми христіанскаго званія и житія недостойнаго, истиннаго же свидѣтельства о томъ противъ нихъ привести не могъ. Они же, видя его злыя поступки, возстали противъ него и во многомъ обвинили“. Затѣмъ онъ подробно сообщаетъ самыя обвинения и произведенныя по поводу ихъ допросы¹.

¹ 7132 г. № 3.

Въ 1625 году, 15 Сентября прибыло въ Москву новое синайское посольство, съ архимандритомъ Малахіею во главѣ, долженствовавшее изгладить то дурное впечатлѣніе, какое ранѣе произвело въ Москвѣ посольство митрополита Іереміи. И это посольство привезло съ собою рекомендательныя грамоты Теофана, которому впрочемъ и необходимо было такъ или иначе объясниться съ московскимъ правительствомъ относительно посольства митрополита Іереміи. Дѣйствительно въ грамотѣ къ Филарету Никитичу Теофанъ пишетъ: „прежде сего присылали къ вашему святительству изъ Синайскіе горы нѣкотораго бывшаго родосскаго митрополита и съ иными монастырскими людьми, *незная его дѣла и разума, что онъ за злой свой разумъ отставленъ отъ патріарха*“, а теперь посылаютъ вѣрныхъ царскихъ богомольцевъ архимандрита Малахію съ другими старцами, которыхъ проситъ принять милостиво. „И сего ради пишемъ, продолжаетъ Теофанъ, что Синайская святая гора подъ нашею іерусалимскою областію, и архіепископъ того монастыря поставляетца у насъ въ Іерусалимѣ, и что есть нынѣ архіепископъ господинъ Іосафъ писалъ къ намъ совсѣмъ соборомъ святаго монастыря, моля насъ, чтобъ мы отписали къ великому государю царю и великому князю Михаилу Теодоровичу всея Русіи и твоему святому великому святительству съ моленіемъ, чтобъ вамъ ихъ принять милостиво, понеже бо рабы и богомольцы ваши истинныя, а они отъ незаконныхъ араповъ многіе нужды и харчи терпятъ“. Въ грамотѣ государю Теофанъ проситъ его милостиво принять посланныхъ отъ синайскаго архіепископа Іосафа и отъ всего святаго собора отъ царскіе обители, которая создана отъ царя Устиніяна, который воздвигъ св. Софію премудрость Божию“. Русское пра-

вительство желая показать, что оно уже забыло дѣло Иереміи и не придаетъ ему болѣе никакого значенія, не только очень радушно приняло новое посольство синаитовъ, но и одарило его съ большею на этотъ разъ щедростію, чѣмъ обычно ¹.

Въ 1629 году прибылъ въ Москву за милостынею синайскій архимандритъ Исаія, съ которымъ Теофанъ писалъ государю, чтобы онъ оказалъ милость посланнымъ въ Москву синаитами, „понеже они съ великою нужею и бѣдностію исправляютъ святой монастырь сей въ пустынѣ той великой межъ многихъ араплянъ“, которыми они платятъ постоянную дань. — Въ грамотѣ отъ 15 Юня 1636 года, присланной въ Москву съ синайскимъ архимандритомъ Паисіемъ, Теофанъ пишетъ государю о синаитахъ: „нынѣ пишемъ, что пріѣхали отцы святыя синайскіе горы преподобный архимандритъ господинъ Паисій, вмѣстѣ съ келаремъ Евгеніемъ и съ товарищи, а ѣдутъ къ святому и къ державному и превсочайшему твоему царствію милостыни ради. По своему царскому обычаю пожалуеши ихъ, милостивою царю, для святаго и царскаго монастыря, а тотъ монастырь подъ нашею областію и престоломъ. Сію благодать воздаемъ и свидѣтельствуемъ истинно и праведно, что имѣютъ они великіе протори, и о томъ молимъ и просимъ твоего царскаго величества, да воспримеши ихъ въ тихомъ образѣ и помощь сотвориши имъ ²“.

Покровительствовалъ Теофанъ и нѣкоторымъ аеонскимъ обителямъ, о которыхъ онъ посылалъ въ Москву рекомендательныя грамоты. Такъ въ 1623 году прибылъ въ Москву за милостынею аеонскаго Ватопедскаго мо-

настыря игумень Никодимъ, съ которымъ Теофанъ отъ 10 Юня 1622 года писалъ государю: „посланъ есть по святую милостыню преподобный отецъ Никодимъ, игумень святогорской Ватопедской, зане многая нужная потреба монастырская понуди его, неточію же — но и долги и безчисленныя напасти агарянскія; еще нынѣ и гладъ у нихъ есть. Тѣмъ же азъ знаючи мѣсто тое святое и его честную особу, прилежно молю, да усерднымъ сердцемъ и благословенною рукою изобильно подайте руку помощи и святую милостыню“. — Въ 1631 году прибыли въ Москву за милостынею просители изъ аеонской лавры св. Аѳанасія, за которыхъ Теофанъ просилъ царя и патріарха, свидѣтельствуя о бѣдственномъ состояніи лавры и о необходимости для ея существованія царскаго вспоможенія. Изъ этого же монастыря въ 1641 году пріѣзжалъ въ Москву за милостынею архимандритъ Іосифъ съ старцами, причемъ Теофанъ писалъ государю, что когда онъ, Теофанъ, былъ въ томъ монастырѣ, то старцы просили у него рекомендательной грамоты къ государю. „И мы нынѣ, заявляетъ Теофанъ, пишемъ къ великому твоему царствію, молимъ и просимъ, да пожалуеши приимеши ихъ въ милостивомъ образѣ и воздашь имъ милостыню, да будешь новый соорудитель для того, что они имѣютъ великую налогу отъ иноплеманныхъ держащихъ насъ и имѣютъ неполатный долгъ... Посемъ молимъ и мы великаго твоего царствія, да воспримеши ихъ, что они люди добрые и вѣрные отъ святаго и славнаго монастыря, да пожалуй имъ свою царскую жалованную грамоту, чтобы имъ держать въ монастырѣ для памяти вашего царскаго величества жалованья“. Въ томъ же 1641 году Теофанъ ходатайствуетъ предъ государемъ за посланныхъ аеонскаго Благовѣщенскаго Филоеева монастыря,

¹ 7134 г. № 17. — ² 7138 г. № 12; 7144 г. № 19.

чтобы государь далъ имъ свою милостыню „и на монастырское строеніе, чѣмъ имъ кельи починить, и оплатить долгъ“¹.

И за другіе греческіе монастыри нерѣдко ходатайствовали Теофанъ предъ русскимъ правительствомъ. Въ 1630 году въ Москву пріѣхалъ Пароеній, архимандритъ Никольскаго Пагояннскаго монастыря. Съ нимъ Теофанъ писалъ государю, что монастырь иже во святыхъ отца нашего Николая архіепископа мирликійскаго чудотворца „пребывалъ въ добрѣ въ рукахъ греческихъ и въ богатствѣ, и нынѣ наводненіями лукаваго діавола разорили агаряне многіе пречудныя церкви Божіи и монастыри въ мѣстѣ томъ. И нынѣ такимъ же дѣломъ сей монастырь разорился отъ безбожныхъ агарянъ до конца,—тому есть лѣтъ сто какъ разоренъ. А еже всеблагій и милосердый Господь, веѣмъ церквамъ глава, что есть далъ по божественному своему поревнованію сему архимандриту господину Пароенію, смысломъ своимъ и разумомъ, опять соорудилъ и воскресилъ отъ основанія, и обновилъ и украсилъ, якоже по прежнему, и собралъ до 30 человекъ братіи. Но ненавистникъ всякой добродѣтели діаволь вложилъ мысль нѣкому вельможѣ агарянскому опять разорить до основанія святую обитель. Только 60,000 денегъ, обѣщанныхъ безбожному вельможѣ, спасли монастырь отъ уничтоженія. Вслѣдствіе сего обѣщанія архимандритъ задолжалъ и теперь прибѣгаетъ къ его царскому величеству за помощію и милостынею на освобожденіе отъ того тяжкаго долга“. Въ 1644 году 26 Октября Теофанъ писалъ государю рекомендательную грамоту объ архимандритѣ Іереміи морейскаго Успенскаго монастыря.

¹ 7131 г. № 4; 7140 г. № 3; 7149 г. № 15 и 20.

Въ ней онъ говоритъ: „промежъ двухъ областей—Коринѳы и Палеопатры пребываетъ славный монастырь во имя пресвятыя Богородицы въ великой пещерѣ, строеніе блаженнаго и благочестиваго царя бывшаго—Андроника Палеолога, и въ немъ пребываетъ св. икона, что писалъ апостоль и евангелистъ Лука, образъ пресвятыя Богородицы, своею рукою, и многіе чудеса творить, исцѣляетъ всякихъ немощныхъ и недужныхъ, которые прибѣгаютъ къ ней съ вѣрою по сей день. И ненавистникъ роду христіанскому научилъ нѣкоторыхъ злыхъ людей и зажгли около монастыря и монастырь весь сгорѣлъ, только Богъ сохранилъ одну божественную церковь и учинился имъ великій изъянъ и протори. И се та церковь отъ многихъ лѣтъ развалилась и они, отцы, съ великими долги и трудами изнова ту церковь отъ основанія всю каменную со сводами для крѣпости ото всякаго страху построили, и отъ того тотъ монастырь одолжалъ неизреченнымъ долгомъ, и, сверхъ того, въ проторѣхъ на всякъ день отъ пріѣзжихъ стояльщиковъ. И они, тамо пребывающіе братія, хотя отъ такого долгу оплатиться, заложили святыя церковныя сосуды и невозмогли оплатиться отъ такого долгу, усмыслили промежъ себя, избрали и посылаютъ къ великой вашей царской милости преподобнаго архимандрита господина Іеремія помощи ради“. Затѣмъ Теофанъ проситъ государя дать милостыню бѣдствующей обители въ размѣрѣ, какъ ему заблагодарится¹.

Между рекомендательными грамотами Теофана встрѣчаются и такія, которыми онъ ходатайствовалъ предъ государемъ и патріархами за отдѣльныхъ какихъ либо

¹ 7138 г. № 17; 7153 г. № 26.

лицъ. Такъ въ 1630 году пріѣхалъ въ Москву греческій архимандритъ Григорій, о которомъ Теофанъ писалъ государю: „извѣщаю самодержавному твоему царствію, яко писаніе се о священно мнихѣ о господинѣ Григоріѣ, архимандритѣ великія церкви: отъ Бога удалось, освободилъ (Григорій) двухъ невольниковъ—бѣгали отъ стороны измаильскія и взялъ ихъ доѣдучи въ молдавской землѣ, и прибѣжали за ними хозяева ихъ, и поймали и посадили въ тюрьму, и ограбили житіе его все и хотѣли его казнить. И нѣкоторые христіане о немъ тружались, окупили его отъ безбожныхъ агарянъ и изъ тюрьмы освободили за 28,000 турецкихъ денегъ, а взяти имъ того долгу негдѣ, и головы своей приклонити не имѣютъ нигдѣ,—пріѣдутъ къ благоутробному царствію твоему и призри его милосерднымъ своимъ окомъ и пресвѣтлымъ лицомъ, яко подобаетъ, и милостину ему подай, како благоизволишь, чтобъ возможно было ему тяжкій долгъ свой оплатить—28,000 денегъ“. Въ томъ же году Теофанъ писалъ государю объ архіепископѣ македонскомъ изъ погорянинскаго Петропавловскаго монастыря Софроніѣ, что онъ раззорился отъ тяжкаго долга, наложеннаго на него агарянами, которыми онъ заложилъ всѣ сосуди церковныя и священныя одежды, чтобы тѣмъ хотя сколько нибудь облегчить свое бѣдственное положеніе, почему Теофанъ и проситъ государя помочь бѣдному архіепископу освободиться отъ долга и тѣмъ избѣжать тѣсноты агарянской. Въ грамотѣ къ Филарету Никитичу, извѣщая его о горькой участи Софронія, проситъ неоставить достойнаго архіерея ходатайствомъ предъ государемъ и дарованіемъ ему отъ себя милостыни. Въ томъ же году въ Москву прибыло два грека, о которыхъ Теофанъ писалъ государю, „что сперва они были благодатны и

покойны, но нечестивые и безбожные агаряне, яко суть всегда они недруги и ругатели вѣры нашей, ограбили ихъ нощію разбойническимъ обычаемъ и всѣ животы ихъ побрали и, сверхъ того, дву изъ дѣтей обсурманили въ свою нечестивую вѣру и ушли. Было у нихъ иные четверо дѣтей, и они заложили ихъ у безбожныхъ въ рукахъ за 40,000 денегъ, и нынѣ имъ долгу оплатить нечѣмъ—взять негдѣ и головы свои приклонити неимѣютъ нигдѣ, прибѣгаютъ къ милосердому святому твоему царствію, просящи помощи. И сего ради молимъ великому твоему царствію, призри ихъ“. Въ томъ же году Теофанъ прислалъ въ Москву своего служителя Андрея съ грамотою къ государю, въ которой проситъ его дать Андрею милостыню на окупъ его родителей, которые арестованы турками. Или, напримѣръ, Теофанъ такъ пишетъ о нѣкомъ грекѣ Константинѣ: „сей крестьянинъ, именемъ Константинъ, жилъ въ Царьградѣ на Калатѣ, ремесломъ серебряный мастеръ. И скорымъ дѣломъ учинился пожаръ и выгорѣла одна сторона на Калатѣ и сгорѣла у него лавка совѣмъ товаромъ, что имѣлъ дѣла чужіе—боярскіе и тѣ дѣла растопилися, а иные разграбили серебряное и золотое—счетомъ на двѣ тысячи ефимковъ. И потомъ сей Константинъ, продавъ все свое имѣніе—домъ и виноградъ, и заплатилъ 1200 ефимковъ, а осталось еще 800 ефимковъ. И заложилъ жену свою и дѣтей въ иноплеменныхъ рукахъ у турченъ и неимѣя, гдѣ прибѣгнути“, обращается за помощію къ царю¹.

Справедливость требуетъ однако замѣтить, что далеко не всѣ рекомендательныя грамоты, писанныя отъ имени Теофана и привозимыя въ Москву разными про-

сителями милостыни, въ дѣйствительности принадлежали патриарху Теофану. Между этими грамотами несомнѣнно немало было и подложныхъ, сфабрикованныхъ разными проходимцами въ Молдавіи, гдѣ умѣли поддѣлывать и патриаршія подписи и самыя патриаршія печати. А такъ какъ патриархъ Теофанъ былъ особенно почитаемъ и уважаемъ въ Москвѣ и его рекомендаціи имѣли здѣсь особенно вѣское значеніе, то и злоупотребленія его именемъ были поэтому особенно часты. Это хорошо зналъ и самъ Теофанъ, почему онъ и рѣшился предостеречь отъ наглыхъ обманщиковъ русское правительство. Въ 1636 году прибылъ въ Москву грекъ Иванъ Петровъ, который отъ имени Теофана сдѣлалъ въ Посольскомъ приказѣ на имя государя такое заявленіе: „молить (патриархъ Теофанъ) великому твоему царствію: которые пріѣзжаютъ съ грамотами къ великому твоему царствію монастырскіе старцы и бѣльцы, и вамъ бы имъ невѣрить, потому что блаженнѣйшій патриархъ грамотъ никому не даетъ, только своимъ людямъ о милостынѣ“¹. Что злоупотребленія патриаршимъ именемъ со стороны разныхъ проходимцевъ, являвшихся въ Москву въ качествѣ бѣдствующихъ просителей милостыни съ подложными рекомендательными патриаршими грамотами, были дѣйствительно значительны, это видно не только изъ приведеннаго заявленія Теофана, но и изъ того, что преемникъ Теофана патриархъ Паисій, вскорѣ по вступленіи на патриаршій престолъ, счелъ необходимымъ предпринять противъ этого сильно распространившагося зла особыя мѣры, вполне справедливо полагая, что наглые обманщики своими продѣлками и недостой-

¹ 7144 г. № 9.

нымъ поведеніемъ въ Москвѣ, могутъ дескредитовать въ глазахъ московскаго правительства какъ настоящихъ, дѣйствительно заслуживающихъ помощи просителей милостыни, такъ и самихъ патриарховъ, именемъ которыхъ они прикрываются. Въ этихъ видахъ въ 1646 году, патриархъ Паисій писалъ государю: „извѣщаю великому и державному и святому вашему царствію о нѣкоторыхъ торговыхъ людяхъ и черныцѣхъ: что они научились составлять ложныя печати и пишутъ грамоты будто отъ меня и привозятъ къ царствію вашему, и за то имъ подобаетъ великое наказаніе и поученіе, чтобы необманывали народъ христіанскій, такоже и царей. И сего ради посылаю сіе² мое знамя (печать), чтобы вамъ впередъ было вѣдомо и вѣрно: которые люди учнутъ впередъ пріѣзжати отъ насъ съ двумя печатами — большая печать по достоянію внизу грамоты подъ подписью, а меньшая печать поверхъ грамоты съ правой руки у титла, — потому учнете узнавать впередъ тѣ наши грамоты“¹.

Такимъ образомъ, сами патриархи указывали русскому правительству на существующія злоупотребленія со стороны просителей милостыни, внушали ему осторожность и разборчивость въ отношеніи къ нимъ, предпринимали и съ своей стороны нѣкоторыя мѣры, чтобы предохранить московское правительство отъ возможныхъ обмановъ со стороны недобросовѣстныхъ просителей милостыни. Но нашему правительству очень трудно однако было разобраться въ массѣ просителей, чтобы отличить между ними настоящихъ отъ обманщиковъ и уличить послѣднихъ, такъ какъ всѣ просители обыкновенно старательно прикрывали другъ друга, и

¹ 7154 г. № 18.

наше правительство неимѣло средствъ, а часто и охоты заниматься раскрытіемъ обмановъ со стороны нѣкоторыхъ просителей милостыни. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда просители, неполадивъ почему либо между собою, подавали правительству жалобы другъ на друга съ взаимными обличеніями, оно поневолѣ начинало разслѣдованіе этихъ жалобъ, и уличенныхъ въ обманахъ и разныхъ неблаговидныхъ продѣлкахъ или высылало за границу, или посылало на смиреніе въ какой либо русскій монастырь, пока не исправятся.

Представленный очеркъ сношеній іерусалимскаго патріарха Теофана съ русскимъ правительствомъ приводитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

Послѣ паденія Константинополя, Теофанъ былъ первый греческій патріархъ, который получилъ возможность оказать, и дѣйствительно оказалъ вліяніе на внутреннюю русскую церковную жизнь въ смыслѣ ея сближенія съ тогдашнею греческою церковною жизнью. Благодаря ему у насъ были оправданы и признаны правильными книжныя исправленія, совершенныя преп. Діонисіемъ подъ вліяніемъ книжныхъ исправленій преп. Максима грека и отчасти при помощи греческимъ печатныхъ книгъ; благодаря Теофану измѣнены были у насъ нѣкоторые старые несправые церковные обычаи въ родѣ трикратнаго раздаванія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи и вѣроятно другіе, такъ какъ государь и Филаретъ Никитичъ совѣтывались съ Теофаномъ о разныхъ духовныхъ дѣлахъ и руководствовались его внушеніемъ „древнихъ уставовъ четырехъ патріаршествъ неотлучатися“. Благодаря этому обстоятельству, со времени пребыванія Теофана въ Москвѣ, русская церковная жизнь, современіи паденія Константинополя, почти совсѣмъ было отстранившаяся отъ тогдаш-

ней греческой церковной жизни, начинаетъ снова замѣтно подчиняться греческому вліянію, которое развивается затѣмъ въ полной силѣ уже при патріархѣ Никонѣ.

Со времени пришествія въ Москву Теофана, устанавливаются самыя близкія и постоянныя сношенія между іерусалимскими патріархами и русскимъ правительствомъ, которое, благодаря постоянно присылаемымъ въ Москву патріаршимъ грамотамъ и устнымъ разъясненіямъ въ Москвѣ патріаршихъ посланныхъ, знакомится съ тогдашнимъ положеніемъ св. мѣсть, изъ за которыхъ шла упорная борьба православныхъ съ католиками и армянами, причѣмъ русское правительство начинаетъ принимать хотя и косвенное, но всетаки дѣятельное участіе въ этой борьбѣ, посылая іерусалимскому патріарху болѣе или менѣе значительные подарки и денежные дачи на искупленіе и поддержаніе святыхъ мѣсть въ Палестинѣ. Эта именно сторона въ сношеніяхъ нашего правительства съ Теофаномъ составляетъ центральный пунктъ этихъ сношеній въ виду того, что Теофану, во время его патріаршества, дѣйствительно пришлось вести продолжительную и упорную борьбу изъ за св. мѣсть то съ католиками, то съ армянами, почему онъ постоянно нуждался въ денежной помощи. Въ 1629 году католики овладѣли было св. Пещерою и Голговою и даже искали убить самого Теофана, который только благодаря счастливой случайности избѣжалъ смерти. Ему однако удалось выхлопотать у султана фирманъ, возвращавшій православнымъ отнятыя было у нихъ св. мѣста. Въ 1634 году латиняне снова возобновили борьбу съ православными и, благодаря подкупу турецкихъ властей, овладѣли было св. мѣстами; но православные перенесли дѣло на разсмотрѣніе верховнаго

суда и остались побѣдителями. И сильные своимъ богатствомъ армяне точно также задумали было въ 1633 году отнять у грековъ первенство при св. Гробѣ, опираясь на расположеніе къ нимъ визиря и на подкупъ одного паши, друга султана. Бѣда угрожала православнымъ серьезная, тѣмъ болѣе, что армяне тратили на подкупъ огромныя суммы (до 160 тысячъ флориновъ). Но и на этотъ разъ греки нашлись и ловко съумѣли обратить дѣло въ свою пользу, такъ что султанъ приказалъ даже казнить своего подкупленнаго армянами друга пашу, а также важнѣйшихъ армянъ, зачинщиковъ этого дѣла¹. Борьба съ латинянами и армянами потребовала большихъ денежныхъ затратъ, такъ что Теофану приходилось закладывать и утварь Св. Гроба и свою собственную митру, приходилось занимать деньги подъ большіе обременительные проценты, вслѣдствіе чего у патриархія явились большіе долги, которые нужно было уплачивать. Этимъ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ іерусалимскаго патриархата и объясняется, почему Теофанъ чуть не въ каждой граматѣ, посланной имъ государю, жалуется обыкновенно на бѣды и тяжелое положеніе іерусалимскаго патриаршаго престола, особенно вслѣдствіе притѣсненій и несправедливостей, какія тогда приходилось терпѣть православнымъ отъ происковъ латинянъ и армянъ; почему онъ чуть не въ каждой граматѣ проситъ и молитъ государя о присылкѣ милостыни Св. Гробу, постоянно твердитъ о томъ, что безъ царской поддержки и милостыни они могутъ окончательно погибнуть подъ натискомъ невѣрныхъ и иновѣрныхъ; этимъ же объясняется и то обстоятельство, почему Теофанъ такъ ревниво-подозрительно отнесся къ вер-

¹ Доснѣ., кн. XII, гл. I, § 3, 6 и 9.

рійскому митрополиту Аверкію, предположивъ въ немъ враждебнаго ему человѣка, способнаго умалить посылаемую изъ Москвы милостыню Св. Гробу. Русское правительство, съ своей стороны, всегда очень внимательно относилось ко всѣмъ просьбамъ и ходатайствамъ іерусалимскаго патриарха, выражало полное сочувствіе его бѣдственному положенію и оказывать посильную денежную помощь бѣдствующимъ св. мѣстамъ стало считать, съ этого времени, своею прямою, непремѣнною обязанностію.

Наконецъ, съ Теофаномъ выступила и совершенно новая сторона въ сношеніяхъ іерусалимскихъ патриарховъ съ русскимъ правительствомъ, какой вовсе не было ранѣе при патриархахъ Германѣ и Софроніѣ,—Теофанъ первый изъ іерусалимскихъ патриарховъ дѣлается тайнымъ русскимъ политическимъ агентомъ въ Турціи, сообщаящимъ въ Москву разныя политическія вѣсти, касающіяся тогдашняго положенія дѣлъ въ Турціи. Уже въ настольной граматѣ Филарету Никитичу Теофанъ заявляетъ, что имъ, восточнымъ іерархамъ, пользующимся милостями царя, „надлежитъ всею душею и мыслию святому и великому его царствію служить и услуги показывать“, хотя практически онъ началъ служить русскому правительству въ качествѣ его тайнаго политическаго агента значительно позднѣе. Русское правительство неимѣло тогда при иностранныхъ дворахъ постоянныхъ пословъ, которые бы на мѣстѣ слѣдили въ той или другой странѣ за теченіемъ политическихъ дѣлъ, а между тѣмъ знаніе современнаго положенія этихъ дѣлъ, особенно въ Турціи, имѣло для нашего правительства исключительную важность, почему оно и завербовало съ конца XVI вѣка къ себѣ на службу въ качествѣ тайныхъ политическихъ агентовъ разныхъ гре-

ковъ, начиная съ патріарховъ и другихъ духовныхъ особъ и кончая простымъ грекомъ купцомъ. Эти агенты обязывались внимательно слѣдить за всѣмъ, что происходило въ Турціи, и о всемъ, что узнаютъ, немедленно увѣдомлять Московское правительство чрезъ особыя вѣстовыя письма, которыя пересылались въ Москву съ вѣрными людьми. Наше правительство сильно дорожило этими вѣстями, идущими прямо изъ Турціи, и всячески поощряло и награждало за это ревностныхъ и опытныхъ агентовъ, умѣвшихъ сообщать въ Москву и свѣжія и болѣе или менѣе важныя вѣсти. Теофанъ увидѣлъ, какую большую цѣну придаютъ въ Москвѣ сообщаемымъ изъ Турціи политическимъ вѣстямъ и какимъ особымъ расположеніемъ московскаго правительства пользуются его тайные политическіе агенты въ Турціи, и потому рѣшилъ поступить въ ихъ число, чтобы этимъ пріобрѣсти еще большія милости и расположение русскаго правительства. Въ граматѣ къ Филарету Никитичу въ 1634 году, Теофанъ пишетъ: „а съ которыми великими людьми знаемъ, и мы всегда ихъ понуждаемъ на помощь царствію вашему“, и тѣмъ даетъ понять, что онъ, пользуясь своими связями, готовъ оказывать политическія услуги нашему правительству. И дѣйствительно, съ этаго года Теофанъ начинаетъ болѣе или менѣе правильно присылать въ Москву такія грамоты, въ которыхъ, наряду съ просьбами о милостынѣ и извѣстіями о дѣлахъ Св. Гроба, сообщались и разныя политическія вѣсти, хотя правда, очень неважныя и почти всегда запоздалыя по сравненію съ вѣстями, присылаемыми другими агентами. Побужденія, которыя въ этомъ случаѣ руководили Теофаномъ, онъ самъ довольно откровенно высказываетъ въ одной изъ своихъ грамотъ къ государю (въ 1638 г.): „пишемъ и объявляемъ, что дѣтца въ

Цареградѣ, и о томъ у насъ бываетъ великій страхъ,— о томъ бо есть и вамъ вѣдомо. Только наша великая любовь и для благочестія твоего *и для милостыни, что имѣешь къ намъ*, понуждаетъ насъ писати и объявляти“.

Такимъ образомъ въ лицѣ Теофана іерусалимскіе патріархи знакомятся съ русскою церковною жизнью и оказываютъ на нее нѣкоторое вліяніе, успѣваютъ укрѣпить въ Московскомъ правительствѣ убѣжденіе, что оно обязано оказывать матеріальную помощь и поддержку св. мѣстамъ и, наконецъ, сами патріархи поступаютъ на службу къ русскому правительству въ качествѣ его тайныхъ политическихъ агентовъ въ Турціи.